

В СЕРДЦЕ УРАГАНА

СЕРГЕЙ САМОХИН

Сергей Самохин
В сердце урагана

«Автор»

2026

Самохин С.

В сердце урагана / С. Самохин — «Автор», 2026

После возвращения с Вильма Крис надеялся, что худшее осталось позади. Но система Ядра приготовила ему новые испытания. Атлантис оказывается на грани переворота. Старые союзники становятся врагами, а вчерашние враги неожиданно предлагают помощь. Пока Совет борется за власть, за кулисами действует сила, о существовании которой никто даже не подозревал. Похищение, смертельная охота, модифицированные люди, тайная база «Несогласных» и встреча с тем, кого Крис считал своим главным противником, меняют все представления о мире, в котором он оказался. Но самые важные ответы приходят тогда, когда кажется, что жизнь уже закончилась. «В сердце урагана» — третья книга цикла «Ветер», где приключенческая фантастика постепенно превращается в масштабную историю о будущем человечества, свободе выбора, цене выживания и границе между человеком и искусственным интеллектом.

© Самохин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В сердце урагана	5
Часть первая — Новые вызовы	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Самохин В сердце урагана

В сердце урагана

Часть первая — Новые вызовы

Глава 1

С Вильмом у нас получилось далеко не так просто, как со Старобором — биом упрямо не хотел находиться там, где должен был. Георг поначалу весело удивлялся, потом ругался сквозь зубы, а потом и вовсе затих — и вот тогда стало по-настоящему страшно. В кабине вирона, в которой и без того не было излишне шумно, воцарилась гробовая тишина.

- Ушел он, что ли? — спрашивал Георг сам себя.

Я сидел рядом, но не отвечал. Да и что я мог ответить? Я лишь до боли в глазах всматривался в молочно-серую белизну впереди, надеясь увидеть в ней хоть что-то.

- Он же мелкий еще совсем, что тоже наши шансы не увеличивает. — вроде как оправдывался пилот.

Я молчал. Мне было неловко и почему-то даже стыдно, что мой родной биом оказался таким небольшим и труднонаходимым. Как будто в этом была и моя вина.

После нескольких неудачных попыток смены курса и тягучих минут рыскания в непроглядной белизне окружающей нас атмосферы нам несказанно повезло — каким-то чудом Георг сумел вернуть нас на Старобор. Мы садились уже глубокой ночью, в темноте и при сильном дожде — даже я не мог сказать, на какую именно часть биома мы попали. Когда вирон (АТХ-9 „Вирон“, большой транспортно-пассажирский летательный аппарат, повсеместно применяемый на Атлантике) сел, подминая под себя ветви чахлого кустарника, то я увидел, как дрожат убранные с панели управления руки пилота. В кабине зашевелились все остальные — несмело, негромко, будто не решаясь спугнуть нашу удачу. Георг стянул с себя шлем и вытер дрожащей ладонью мокрое от пота лицо.

- Если честно, я был уверен, что это конец, — пробормотал он наконец. — Я даже не мог определить, где само Ядро, чтобы попробовать подняться вверх, над атмосферой.

- А я был уверен, что ты выпутаешься, — сказал я, стараясь звучать уверенно.

- Значит, у тебя веры в меня в разы больше, чем у меня самого. Не пойму только, хорошо это, или плохо.

Наконец, сержант вызвался на вылазку — поглядеть, что вообще находится вокруг нас. Он взял ускоритель, надел шлем и вышел наружу, запустив на пару мгновений в вирон холодный ветер и дождь. Мне показалось, что ему просто захотелось походить по твердой поверхности, и я его в этом вполне понимал.

- И что теперь? — к нам с Георгом подседа доктор Водопьянова. — Если кого-то интересует мое мнение, то я попросила бы вас до утра никаких дальнейших движений не предпринимать.

- Мы и не собираемся! — хором заверили доктора мы.

- Полагаю, что нам придется вернуться на Атлантику, — я размышлял вслух. — Насколько бы я ни хотел попасть на Вильм, но даже я не уверен, что выдержу еще одну такую попытку. Здесь, на Староборе, нам пока делать нечего. А значит, остается только одно — вернуться на Атлантику.

- И куда именно ты собираешься вернуться? — с интересом спросил Георг.

- Вот это и будет нашим первым общим решением. Как ты сказал, демократия? Значит, пусть так и будет.

Сержант вернулся примерно через полчаса — промокший, но бодрый. Он сообщил нам, что мы сели в каком-то лесу, и по крайней мере на солидном расстоянии вокруг вирона даже электроника не разглядела ничего подозрительного. Вряд ли нашей амке (так на Атлантике

называли все летательные аппараты — от сокращения АЭМ, которое означало "Атмосферный Экспедиционный Модуль") могло всерьез угрожать хоть что-то на этом биоми, поэтому первым единогласным решением нашего импровизированного совета была ночевка на Староборе.

С дальнейшим решением было сложнее. Я высказал еще раз свою мысль о возвращении на Атлантис, которую поддержали все. Мнения разделились при решении о конкретном месте нашего потенциального возвращения.

Сержант настаивал на нашем приземлении у отдела безопасности, аргументируя это тем, что вирон так или иначе принадлежит отделу, и его даже по ошибке никто не примет за вражеский. Сержант, похоже, всерьез был уверен, что полковник в состоянии возглавлять и контролировать тот процесс, в центре которого мы оказались. Надо сказать, что уверенность сержанта не разделял никто, а Георг так и вовсе назвал эту идею самоубийством.

Доктор Водопьянова подала неплохую, на мой взгляд, идею — посадить вирон на Пермафрост. Понятно, что информация о нашем возвращении так и так дойдет с Пермафроста на Атлантис, но некоторое время мы, несомненно, выиграем. Идея была во всем неплохой, кроме главного вопроса: на что мы сможем потратить выигранное время? На это вразумительного ответа ни у кого не было, и идея тихо легла на дно.

Орвин озвучил предложение, о котором, как мне кажется, задумывался каждый из нас: вернуться к советнику де Полю. И предложение подкупало своей заманчивостью: мы можем привезти советнику то, что он так жадно хотел получить — информацию. Кроме того, поделиться полученным нами опытом. Правда, при обсуждении всплыла и темная сторона такого варианта: советник явно хотел нас подчинить физически, руками своих солдат. Солдат мы убили, и никто из нас понятия не имел, как на это отреагирует советник. Власть у советника явно хватало и чтобы нас прикрыть и защитить, и чтобы нас окончательно закопать. Ну и кроме этого, никто из нас не был уверен в том, что после передачи нашего опыта советнику ему не вздумается, что мы слишком много знаем для того, чтобы остаться в живых.

Длительная жаркая дискуссия стала затухать, так и не принеся нам решения. Я еще раз покатал на языке обдумываемую мной идею, и решил высказать ее вслух:

- А что, если мы сядем у Навигаторов?

Сперва все смотрели на меня удивленно, и даже немного жалостливо. Во взглядах читались невысказанные эпитеты по поводу моей способности мыслить здраво. Потом сержант осторожно, чтобы меня не сильно обидеть, произнес:

- Крис, как ты пришел вообще к такой идее? Я даже не уверен, что от Навигаторов что-то осталось.

После этой фразы Георг дернул щекой, но вслух не сказал ничего, наблюдая за реакцией остальных.

- Даже если кто-то из них и выжил, — пожав плечами продолжил размышлять сержант, — то чем эти выжившие могут нам помочь? Что у них есть, что может нас спасти?

- Мне кажется, что Совет окончательно прибрал Атлантис к своим рукам, — вздохнула доктор Водопьянова. — Как мне это ни горько признавать, но я тоже не вижу пользы от Навигаторов.

- А я бы послушал Криса дальше, — сказал Орвин, внимательно глядя на меня. — Он хоть и по голове ударенный, но нет-нет да выскажет какую-нибудь интересную мысль.

- Я исходил из того, что Навигаторы — это, по сути, идейные сторонники перемен, — я начал объяснять медленно и с некоторой опаской, но никто меня не перебивал и не смеялся. — Да, вы все правы — у них сейчас вроде как ничего нет. Ничего, кроме нелюбви к Совету и очередного тайника, где они спрятались.

Мне казалось, что внимательнее всех смотрит на меня Георг. И я не мог понять, смотрит он с осуждением или с пониманием.

- Ну а мы можем дать им шанс. Им, и нам. Навигаторы могут быть посредниками в наших переговорах и с Советом, и с кем бы то ни было. Первой реакцией всех остальных сторон будет как обычно — найти нас и немедленно посадить за запертую дверь. Я рассчитываю, что Навигаторы смогут хотя бы на некоторое время нас спрятать так, чтобы никто не нашел. И тогда у нас будет и время, и позиция, чтобы договориться.

- Договориться о чем? — спросил сержант.

- О том, как, куда и за чей счет мы снарядим следующую экспедицию.

В вироне воцарилась тишина. Я даже услышал, как снаружи капли дождя мелко барабают по корпусу нашей амки. Молчание прервала доктор Водопьянова.

- У меня масса аргументов, почему это все может закончиться плохо. Но я вот что подумала — у нас нет никакого другого, лучшего плана. И даже если мы просидим тут еще неделю, то он вряд ли появится. Поэтому...

- Что поэтому? — нахмурился сержант. — Поэтому мы отдадим себя в руки врагов? Даже не будучи уверены, что они нас сразу не убьют, не говоря уже о помощи? Я не вижу никаких преимуществ этого плана перед поиском защиты у отдела безопасности.

- Ой, я тебя умоляю! — не выдержал Георг. — Отдел безопасности! От кого он сможет нас защитить? От Совета? От того Совета, который играючи отключил вашу защитную систему, и выкрал Крису? Да если бы не сам Крис, то вы о случившемся узнали бы утром за завтраком!

- Выбирай слова, Навигатор! Там погибли мои ребята, в тех коридорах!

- Равно как и мои! — зарычал Георг. — И я при этом в твоих не стрелял! А ты? Скольких ты лично прикончил?

- Слишком мало, как по мне. Впрочем, у меня есть шанс все исправить, прямо сейчас.

- Ну так давай потанцуем, старик. Или ты только на словах такой смелый?

- Как это отвратительно... — доктор говорила тихо, но ее слышали. — Вот уж я на какое-то время подумала, что попала в компанию стоящих людей. Но нет, сказки не случилось. И у нас тут все как везде. Мы сидим на чужом биоме, нас со всех сторон окружают опасности и смерть, а мы говорим о том, с каким бы удовольствием друг друга поубивали. Bravo.

Нельзя сказать, что это вмешательство всех образумило, но накал страстей в кабине ощущимо снизился. Пока никто ничего не испортил, я поспешно сказал:

- Нам все равно придется прийти к какому-то решению. И я уже понял, что это решение вряд ли будет всем одинаково нравиться. Но тем не менее. Я хочу использовать Навигаторов как посредников. И как пилотов, кстати — вы же не забыли, кто сегодня управлял вироном? Все уверены, что без Георга мы бы сейчас сидели тут и беседовали?

Я увидел, что о моих словах задумались. Может, не согласились, но — задумались. А это уже немало. Я продолжил:

- Я настаиваю на идее искать спасения у Навигаторов. Если кто-то сможет всех убедить, что есть лучший и надежный выход из положения, то я с радостью его приму.

В вироне снова стало тихо. Я с грустью подумал, что примерно на это я и надеялся. Я совсем недавно начал разбираться в такой невероятно сложной штуке, как человеческие взаимоотношения. И уже понял, что критиковать и объяснять, почему не получится, куда легче, чем постараться подумать, как могло бы получиться. Я выждал еще несколько тягучих, как смола, секунд, и сказал:

- Ну а если лучших идей у нас нет, то давайте подумаем, как воплотить в жизнь эту.

Вместе подумаем.

- Нам нужна уверенность, что с нами ничего не случится у Навигаторов. — подняла голову доктор Водопьянова. — Что они ни с кем из нас не захотят поквитаться.

- Это я смогу устроить, если вы предоставите мне начало переговоров, — уверенно сказал Георг.

- Вы можете это гарантировать?

- Нет. А разве в наших условиях вообще что-то можно гарантировать? Я вам даже не могу гарантировать, что мы сможем вернуться на Атлантис.

Ну да. В пылу спора все уже забыли, что мы — не дома. Все, кроме Орвина, если начистоту. Приздумался даже сержант.

- Я тоже думаю, что Георгу нужно первым пойти к своим, — проговорил мой друг. — И я не думаю, что они прямо жаждут нас прикончить. У них сейчас, скорее всего, совсем другие проблемы. И я думаю, что они будут рады любому шансу на выживание.

- Ну хорошо, — упрямо вздернулся сержант. — Предположим, Навигаторы нас не прикончат. Предположим даже, что они захотят нам помочь, увидев в этом шанс для себя. А как и кто донесет все это до Совета? И при этом останется жив, что тоже немаловажно.

- Я не вижу лучшей кандидатуры, чем ваша, — сказал я. — И вот как раз в этом случае возможно будет уместнее сперва найти полковника. Советник будет в ярости, но он будет в ярости, куда бы мы ни обратились. Нам просто нужно постараться поднять наши шансы.

- На что ты рассчитываешь? — спросила у меня доктор. — О чем мы вообще будем договариваться?

- Я уже говорил — я хочу выяснить, что тут происходит. Я хочу понять, что вообще из себя представляет эта система Ядра. И я хочу вернуться на Вильм — все еще. Я постараюсь это сделать и без поддержки. Но с поддержкой шансов будет больше.

- Вот сейчас ты заговорил как Навигатор, — буркнул Георг.

- Да он всегда такой был, — небрежно хмыкнул Орвин. — Ты его просто плохо знаешь. Короче, я за идею Криса. Она, конечно, совершенно дурацкая, но другие — еще более дурацкие.

- Я, наверное, соглашусь с Орвином, — задумчиво проговорила доктор. — Когда мы сегодня не могли найти Вильм, а потом не могли найти дорогу обратно, я уже попрощалась мысленно со всеми. Так что, любой шанс лучше, чем вообще без шансов.

- Ну хорошо! — сержант все еще не сдавался. — Хорошо! Допустим — допустим! — другие идеи не сильно лучше. И идея с Навигаторами может получиться. Как по мне, шансов мало, но все же. Однако, для того, чтобы поговорить с Навигаторами, нужно как минимум найти Навигаторов. А это, как мне кажется, далеко не так просто.

Настало время всем одновременно повернуть головы и уставиться на нашего пилота. Георг отчего-то слегка смутился и даже прокашлялся перед тем, как ответить:

- Нам бы Атлантис сперва отыскать. А уж когда отыщем, то там я как-нибудь справлюсь.

Глава 2

Для поиска Атлантиды Георг принял решение поднять вирон снова вверх, над атмосферой. Если честно, то и для меня такое решение казалось куда более логичным и надежным, чем блуждание наобум в молочной пелене. Да и хотелось еще раз увидеть звезды — всем нам. Так что со Старобора стартовали утром, после почти бессонной дождливой ночи.

Звезды не подкачали. Они были так же таинственны и далеки, а космос — все так же невероятно глубок и бесконечен. Мы провели в невесомости около получаса, и все это время Георг напряженно работал. Он выискивал подсвечиваемые в атмосфере биомы, заносил их куда-то в память амки, крутил на месте наш вирон, коротко включая двигатели для переориентации, и буквально крутился сам, насколько позволяли ему ремни кресла пилота.

Атлантиду мы засекали почти сразу. Увидели и Вильм — или тот биом, который мог бы быть Вильмом. По утверждению Георга, он явно сместился в сторону от Старобора. Я не помнил, как биомы выглядели в момент нашего первого подъема — не до того мне тогда было. Я заметил, что Георг далеко не так сильно радуется возможности посмотреть на звезды. И еще — он спешил, явно спешил.

- У тебя все в порядке? — вполголоса спросил я у занятого работой пилота.

Остальные были заняты: Орвин наслаждался невесомостью как таковой, и сейчас просто висел вниз головой. Доктор Водопьянова не отходила от иллюминатора. Даже невозмутимый сержант увлекся открывающимися видами.

- У меня лично — вполне. А у всех нас — не совсем, — непонятно ответил Георг.

- А поконкретнее?

- А поконкретнее так: у нас заканчивается кислород. В обычном полете вирон забирает воздух из атмосферы, фильтрует его, и подает в кабину. В космосе, понятное дело, такой трюк не работает. Тут когда-то были аппараты для очистки воздуха, но их давно сняли за ненадобностью.

- А полковник что? Соврал? Не подготовил аппарат? — изумился я.

- А что полковник? Он же не знал, что мы собираемся выше атмосферы подниматься.

В плане такого не было.

А я уже начал забывать о двух убитых солдатах и о нашем изменении плана. Потому Георг и нервничает — понимает, что этот момент он не продумал.

- И что нам грозит?

- Пока ничего. Но надолго задерживаться мы тут не можем. Запасов кислорода мало, и судя по легкому падению давления — где-то утечка воздуха.

Задерживаться мы не стали. Как и говорить остальным о потенциальной опасности. Вирон снова вошел в атмосферу, направляясь на Атлантиду. Снова снаружи воцарился серо-белый цвет, и все разочарованно отвлеклись от иллюминаторов. Постепенно вернулась сила тяжести. Я искоса глянул на пилота, он показал большой палец вверх. Ну хорошо так хорошо.

Атлантиду нашли почти сразу, хотя наш "спуск" мне показался очень долгим. Биом сперва нарисовался электронным контуром сперва на визорах шлемов, Георг быстро сориентировался и повел вирона к краю биома. Я понятия не имел, куда именно мы летим, поэтому расслабился и доверился пилоту. Поверхность Атлантиды, такую пустую и безжизненную после Старобора, я увидел уже совсем близко, когда Георг сбросил скорость и осторожно летел вдоль края. Сзади забормотали, заговорили остальные, и только сейчас я понял, что до этого в кабине было тихо — все переживали и опасались молча и, лишь увидев камни биома своими глазами, позволили себе расслабиться.

Мы сели на самом краю. Ну, на самом деле до края было метров сто, но я даже занервничал, не опасно близко ли мы остановились. Георг, выглядящий после посадки очень серьезным, засобирался.

- Через сколько тебя ждать? — спросил я.

- Не знаю, — пожал плечами пилот. — Если они там, где я думаю, то... не знаю. Да и зачем назначать какое-то время? Вы что, улетите без меня, если со мной что-то случится?

Мда, улететь нам точно не удастся. Насколько я знал, сержант теоретически мог бы подняться в воздух вирон, но никто из нас не представлял себе, в какой части Атлантиды мы сейчас находимся и как нам отсюда выбраться. Эта мысль меня совсем не успокоила.

- Значит, возвращайся — и лучше всего с хорошими новостями, — сказал я, стараясь придать моему голосу уверенность, которой не испытывал.

- Точно так я и собирался поступить, — улыбнулся Георг, спрыгивая на камни Атлантиды.

Наш пилот вернулся часа через два. Почти все это время сержант хищным зверем кружил вокруг амки с оружием в руках, и первым увидел возвращающегося пилота. Георг потом сказал, что заметил сержанта задолго до того, как тот заметил его. Они начали было препираться и меряться зоркостью взглядов, но мы их быстро оборвали: терпение и нервы у всех были и без того на пределе.

- Никлас поговорит с тобой, — заявил Георг, устало усаживаясь на пол кабины вироны и глядя на меня. — Он настаивал, чтобы мы все вместе пришли...

- Но? — спросил я, уловив незаконченность фразы. — Ты ему не доверяешь?

- Ему — доверяю. Но не доверяю всем в его окружении. Может и зря, но... Я думаю, что лучше нам всем не идти.

- Крису не стоит идти одному, — вмешался сержант. — Я пойду с ним.

- Ну да, ну да. Извини, но своим присутствием ты наши шансы на успех точно не повысишь.

- Я пойду, — встал с места Орвин.

- Нет, не в этот раз, — настала моя очередь вмешаться. — Мы пойдем с Георгом, тут и думать нечего.

- Я был почти уверен, что ты так решишь, — кисло кивнул мне пилот. — Так и сделаем, только дай мне отдышаться немного. Нам идти минут тридцать, по камням да против ветра.

Через вот эти вот примерные тридцать минут мы сидели на каких-то матовых плоских ящиках, разбросанных по широкой и глубокой пещере. Георг оказался прав, идти нам пришлось долго и сложно: камни в этом регионе были вполне способны переломать нам ноги, и шли мы медленно и осторожно. Судя по тому, что последнюю часть пути мы ощутимо спускались вниз, убежище последних Навигаторов находилось глубоко под поверхностью Атлантиды. В пещеру мы прошли длинным узким тоннелем, по пути миновав несколько ответвлений и перекрестков. Я совсем не был уверен, что смог бы выбраться отсюда в одиночку.

Напротив нас с Георгом стоял Никлас. Стоял и смотрел на нас попеременно. С двух сторон от него на ящиках разместились двое незнакомых мне Навигатора, оба с оружием в руках. Рук никто друг другу не жал, и в любви не признавался. Недолгое молчание нарушил Георг:

- Оружие прям необходимо? — он указал подбородком на "Змею" (АМУ-12 "Змея", автоматический магнитный ускоритель, предназначенный для боестолкновений в тесных помещениях и коридорах) в руках одного из бойцов.

- Надеюсь, что нет, — после короткой паузы ответил Никлас. — Но мы сейчас без оружия никуда. Даже в туалет: в одной руке ускоритель, а в другой... Так что, извини, ничего личного.

- Давайте как всегда: я начну рассказывать, — вмешался я.

- Что-то ни к чему хорошему это до сих пор не привело, — криво усмехнулся предводитель Навигаторов.

- Ну так давайте попробуем сломать эту традицию, что ли.

Я начал рассказывать. Свой рассказ я подготовил заранее, так что получалось у меня хорошо. Да и врать я особо не собирался — так, опустил в рассказе несколько вещей. Я рассказал вкратце про план советника, про участие полковника в нем, и про наше путешествие. Упомянул идею Георга, и ее успех — при этом у Никласа впервые заблестели глаза. Рассказал про посещение Старобора, не упоминая о наших делах там. Рассказал и про безуспешные поиски Вильма, и про второй наш подъем над атмосферой. Меня не перебивали, а я старался говорить кратко.

- Даже и не знаю, как на это реагировать, — сказал Никлас, когда я закончил. — Еще пару недель назад я бы прыгал от восторга от мысли об открывающихся возможностях. Но сейчас...

- Если ты про Совет, — поднял голову Георг. — То мы можем...

- Нас почти не осталось, — зло зашипел на Георга Никлас. — Нас почти всех истребили в тех тоннелях. Нас загоняли, как крыс.

- Я там был, если ты вдруг запамятовал, — Георг старался говорить спокойно, но голос его слегка вибрировал. — И это я вывез последний рейс оттуда. Так что не рассказывай мне того, что я видел сам.

Из Никласа как будто выпустили воздух, и он уселся на ящик между своих молчаливых спутников. Он постарел и как-то поник. Сейчас он напоминал мне полковника в кабинете у советника де Поля: некогда могучего человека, которого неожиданно если не сломали, то погнули, и указали на его место.

- Я даже не знаю, можно ли тебе до сих пор доверять, — с какой-то извиняющейся ноткой сказал Никлас.

- Я тебе хоть раз дал повод усомниться в моей преданности делу?

- Нет. Но я отдаю себе отчет в том, что то, что ты увидел и узнал, может изменить само то "дело", которому ты предан.

- Не мерь всех по себе, — устало ответил пилот. — И мы, и вы сидим глубоко в жопе. Но Крис считает, что у нас есть шанс выбраться из нее. И я хотел бы, чтобы ты его выслушал.

Полковник молчал. Советник тоже замолчал, и теперь тишину нарушал только звук льющейся в стакан воды. Когда советник не торопясь напился, он посмотрел в окно, и негромко спросил:

- Вы считаете, что нас предали?

Полковник удивился, но не подал виду. Советник нервничает куда больше, чем хочет показать. Рановато он начал волноваться — прошло всего несколько дней со старта экспедиции, а по пессимистичным раскладам экспедиция могла вполне затянуться на неделю. Точнее, по самым пессимистичным раскладам про экспедицию больше никто и никогда не услышит, но об этом думать не хотелось.

- Нет, я так не считаю. Прошло еще не так много времени. Причины задержки могут быть самыми разными.

- Прошло достаточно времени, чтобы облететь все эти биомы и вернуться обратно. Если у них все в порядке. Их нет, и потому я полагаю, что все пошло не по плану.

- Ну... — полковник запнулся, быстро соображая. — Все зависит от плана, не так ли?

Советник покосился на полковника, потом вновь уставился в окно. Проронил после паузы, сквозь зубы:

- Скажем так: у моих людей были определенные дополнительные инструкции. Касательно того, что миссию задерживать нельзя, и вернуться необходимо максимально быстро.

"Дебила кусок!" — именно такой была первая реакция полковника на это признание. Последующие реакции в слова не складывались, а если и складывались, то в слова нехорошие,

грязные. Но полковник не был бы полковником, если бы позволил этим реакциям отразиться на своем лице. Да и что-то примерно в таком роде он и предполагал.

- Тогда, получается, что не они нас предали, а как бы практически наоборот.

- Ой, полковник, вот только не надо сантиментов! — советник отошел от окна, и уселся в кресло за стол. — Ничего такого с вашим Крисом и Орвином не должно было произойти. И не делайте вид, что сами никогда не отдавали подобных распоряжений.

Полковник мысленно отметил отсутствие сержанта и доктора в списке тех, с кем "ничего не должно было произойти". Ему не нужно было знать точные инструкции, которые дал советник своим солдатам — ему достаточно было того, что он знает советника. Но думать надо было сейчас, и думать быстро, и главное — делать правильные выводы и принимать верные решения.

- Они могли бы вернуться на Пермафрост, — вслух сказал полковник.

- Я уже думал об этом, — махнул рукой советник. — И у меня там есть мои люди. Впрочем, будет нелишним, если вы проверите ваши источники.

- Сделаю, — кивнул полковник.

Он с трудом преодолел чувство брезгливости. "Даже внешне потакать и прислуживать этому придурку мне противно..." — подумал полковник. Вслух, разумеется, сказано было совсем другое:

- Я распоряжусь проверить отдаленные районы Атлантиды. У нас есть небольшие поселения, связь с которыми все еще остается эпизодической.

- Это дельная мысль. Спасибо, полковник. Может быть я рано переживаю, но уж слишком много на кону. Действуйте. И давайте завтра встретимся тут же, у меня. Посмотрим, что принесет нам еще один день.

Полковник еще раз кивнул и пошел к двери. Сейчас нужно действовать. Эх, черт, а он-то думал, что у него есть еще пара дней! Но их нет, советник уже на иголках, и время терять нельзя. Уже у дверей полковника нагнал голос советника:

- Полковник, а вы не в курсе, где сейчас наша общая знакомая Вивьен Рэйшфорд? Ее не было на последнем заседании Совета.

"В курсе". — злобно и радостно подумал полковник. Еще как в курсе, говнюк ты всесильный. А точнее, не всесильный.

- Нет, я сам ее не видел с самого начала нашей экспедиции.

- Ясно. Ну что ж, тогда — до завтра.

"Давай, до свидания!" — опять не удержался злорадный внутренний полковник. Внешний полковник только кивнул и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я никогда не любил ждать. Хотя, как мне казалось, другим ожидание давалось еще тяжелее. После того, как мы с Георгом вернулись к остальным и рассказали им о разговоре с Никласом, после всего этого очень хотелось понимать, получится ли что-либо путное из нашей затеи. Мне самому затея казалась ненадежной и нелепой, и с каждой проходящей в ожидании минутой весь план глупел буквально на глазах. К сожалению, лучшего плана не было ни у меня, ни у кого другого из нашей команды.

Никлас согласился не сразу, но согласился. Видно было, что и он просчитывал варианты успеха, искал другие возможности — и тоже их не находил. Мы сейчас были похожи — наша группа и Навигаторы: бунтовщики, пытающиеся доказать свое право на жизнь. И это могло сработать. В результате Никлас улетел в город, взяв с собой Георга. Насколько я знал, летели они на "скате" (IF-12 „Скат“, двухместный маневренный летательный аппарат для разведки и исследования), решив, что вернее всего сейчас будет полететь вдвоем. Это был самый тонкий момент нашего плана: вариантов "что-то может пойти не так" на этом этапе было пугающе много.

Никто даже и не предполагал, сколько нам придется ждать, и чтобы не сходить с ума от неизвестности, сержант предложил дельную идею: организовать дежурство. Было понятно, что дежурство в месте, которое нам незнакомо, является скорее традицией, фиктивной возможностью отвлечься от нервной обстановки. И тем не менее, на эту идею подписались все, даже доктор Водопьянова. Время пошло действительно быстрее, и каждый из нас успел отдежурить по два раза свою двухчасовую смену, когда вернулся скат Никласа.

Никлас показался мне удивленным и сбитым с толку, равно как и Георг. Нам не сразу удалось сложить вместе то, что им удалось выяснить, а когда это удалось, то задумались все.

По словам обоих Навигаторов, в городе случился самый настоящий переворот. Пока достаточно мягкий, пока практически бескровный, но — переворот. Из того, что удалось узнать нашим новоявленным посланникам за столь короткое время, вырисовывалась следующая картина: Совет, казавшийся могущественной всесильной глыбой, — раскололся. На сколько именно частей было пока непонятно, но одну из них неожиданно поддержала армия. А точнее — отдел безопасности под руководством резко переставшим быть ручной игрушкой полковника Крэтчета. В этот раз обычные поселенцы Атлантика не были вовлечены в эту Игру Престолов, и поэтому на улицах было спокойно, но носящиеся по городу слухи делали атмосферу Атлантика еще более непрозрачной.

Что происходит в здании Совета и какова судьба советника де Поля — было неясно: такая информация на улицы не просачивалась. Зато невооруженным взглядом была видна охрана здания Совета, одетая в форму отдела безопасности. Также очевидно было увеличение количества патрулей. Поговаривали, что часть независимой до этого охраны Совета сменила цвета и примкнула к силам полковника.

Гражданская жизнь осталась такой же — по крайней мере, пока что. Люди ходили на работу, занимались своими делами. В общем, на звание бунта или революции такая ситуация явно не тянула, а вот на переворот — вполне.

- Мне очень интересно, как полковник это провернул, — качая головой проговорил Георг. — Для политика он неплохой солдат.

- Я не думаю, что он это провернул, — ответил я. — Я думаю, его привлекли. Кнудом уж, или пряником: на самом деле не так важно, чем. Он постоянно общался с одной дамой из Совета, с Вивьен Рэшфорд. Потом, когда нас забрал к себе советник де Поль, то я подумал, что эта дама стала отыгранной картой. Но, возможно, я ошибался.

- Вивьен Рэшфорд? Я ее знаю, — Никлас скривился. — У этой леди вот такие яйца. Простите, доктор.

- Ничего страшного, — отмахнулась доктор Водопьянова. — Если бы меня можно было смутить словом "яйца", то я сама приятно удивилась бы своей духовной чистоте. Я не знакома с этой Вивьен лично, но я не верю никому из Совета.

- И правильно делаете, — кивнул Никлас. — Как мы все сейчас понимаем, внутри Совета куда больше разногласий, чем мы представляли.

- И именно этот факт сейчас может сыграть за нас, — сказал Орвин, сразу привлекая к себе внимание. — А что? Они грызутся между собой, что для нас хорошо в том плане, что им и без нас есть чем заняться. Если примкнуть к правильной группе, то мы можем их заинтересовать также, как заинтересовали Навигаторов: лишним козырем в рукаве. Лишним аргументом при переделе власти. Ну и у групп Совета появляется свой интерес к нам: лишний аргумент в их игре.

- При этом группа должна быть достаточно сильной, чтобы суметь нас поддержать и обеспечить нам возможность дальше искать ответы, — подхватил мысль Орвина я. — Если, конечно, никто не передумал искать дальше.

- На меня ты можешь рассчитывать, — сразу отозвалась доктор Водопьянова. — Интереснее, чем у нас тут, не будет нигде, в этом я уверена. А все то, что я только что услышала, лишь уменьшает мое желание возвращаться в эту грязь.

- Мы обсудили этот момент с Никласом, — задумчиво кивнул пилот. — Сейчас я нужен Навигаторам, как никогда. Но шутка в том, что, возможно, я нужен тут даже больше, чем на Атлантике. А если действительно существует возможность помирить Навигаторов с Советом, то ради такой возможности я готов записаться добровольцем даже в полет на Землю.

- Как бы вскоре не оказалось, что вообще никакого Совета больше нет, — усмехнулся сержант. — Я на службе, и подчиняюсь полковнику Крэтчету. Поэтому не могу ничего обещать. Мое желание в этом случае сугубо вторично. Но если мне представится такая возможность, то я бы остался в экспедиции.

А Орвин просто коротко кивнул мне. После того вечернего разговора с Крапивой мы с моим другом почти и не разговаривали.

- Тогда осталось только понять, какая именно сторона конфликта в Совете будет для нас более выигрышной, — резюмировал я.

Глава 3

В отдел безопасности в итоге полетели мы с сержантом. Мне отчасти надоело ждать и надеяться на других, отчасти я был уверен, что из всех остальных полковник прислушается скорее к моему мнению. Ну а сержант и вовсе был “свой”, из отдела. Так что выбор был прост и быстр. Полковника и ту сторону, которую он представляет — какой бы она ни была — мы выбрали по нескольким причинам. Во-первых, если эта сторона сумела убрать из Совета казавшегося почти всесильным Родриго де Поля, то мощи ей не занимать. Во-вторых, у полковника было то, чего, скорее всего, не было у других — какими бы они ни были — сторон: ресурсы и солдаты. А это значительный аргумент, на мой взгляд.

Где-то по дороге нас встретили. Сержант, управлявший нашим скатом, вдруг показал мне пальцем куда-то влево от себя. Я присмотрелся и увидел другой летящий рядом с нами параллельным курсом скат, с опознавательными знаками отдела безопасности. Чуть позже, справа от нас, проявился еще один. Сопровождение. С сержантом связались по открытому каналу связи. Он назвал себя и подтвердил, что наша конечная цель — отдел безопасности Атлантика. Коротко что-то выслушал, снова подтвердил. И дальше мы летели уже небольшой группой.

Нас вежливо сопроводили, вежливо встретили на посадочной площадке, и так же вежливо провели в отдел безопасности. Не в кабинет полковника, как я почему-то думал, а в какое-то пустое помещение, которое явно использовалось под склад. Нам предложили присесть и попить воды под вежливым внимательным взглядом четырех вооруженных ускорителями солдат. Мы попили, не задавая вопросов — ждали полковника. Полковник прибыл почти через час, выглядя очень серьезно и сосредоточено. Я понадеялся, что его оторвали от какого-то важного дела — например, пыток советника де Поля.

- Сержант. Крис, — кивнул полковник нам.

Рукопожатие предложено не было — все же полковник оставался пока больше военным, чем политиком. Вежливые молчаливые солдаты были выпровожены за дверь кивком головы полковника. Небрежно повелевать получалось у него все еще не так круто, как у советника, но уже вполне неплохо.

- Сэр, сержант Буонтакорта прибыл с задания, — молодежато отрапортовал сержант. — Разрешите доложить?

- Вольно, сержант. С нами гражданский, потому давайте говорить свободно. Докладывайте.

- Сэр, я хотел бы узнать, насколько свободно и открыто я могу говорить

- Это помещение полностью безопасно, с этой целью и было выбрано. Мы работаем над тем, чтобы полностью проверить весь отдел, и это вскоре будет сделано. Отдел безопасности уже полностью автономен, а скоро станет полностью безопасным, сержант. Времена меняются. Так что вы можете докладывать свободно.

И сержант доложил. Я удивился, внутренне аплодируя сержанту: его доклад был кратким, но подробным, и не пропускал ни одного существенного момента. Я никогда раньше не слышал столько слов от него одновременно: он явно готовил этот доклад заранее. Когда сержант закончил говорить, полковник поинтересовался:

- Сержант, почему вы сперва полетели к Навигаторам? Почему не сразу сюда, ко мне?

- Потому что мы сочли этот вариант наиболее безопасным для себя, — ответил за сержанта я.

- Я обращался не к вам.

- Зато я обращаюсь к вам, полковник, — я предполагал, что легко не будет. И был готов сразу расставить приоритеты. — Хотите вы этого или нет — вам придется смириться с тем, что

мы больше не ваши люди. Мы можем стать вашими партнерами, но именно что партнерами, на равных правах. По-другому не получится.

- Сержант, отвечайте на мой вопрос, — полковник меня игнорировал, как игнорируют шум.

- Сэр, решение о месте посадки принималось не мной, — начал оправдываться сержант. — Мы его приняли вместе, и, учитывая обстоятельства, я бы не...

- Полковник, ну давайте не будем играть в эти игры, — я влез в разговор. — Сержант — ваш человек, это понятно, но за всю нашу затею отвечаю я. И если уж вам так хочется что-то узнать, то узнавайте у меня. А приказывать, угрожать... Мне кажется, что это уже пройденный этап. Но — и я на это очень надеюсь — мы можем попробовать договориться по-человечески.

Это был сложный момент. Сержант был солдатом и подчинялся непосредственно полковнику, потому здесь полковник был в своем праве. Но одновременно сержант был причислен полковником к нашей группе. И тут уже был в своем праве я, эту группу и представляя. Я не знал, каким именно эмоциям поддается полковник. Не знал настолько, что приготовился активировать свою ускоряющую "волну".

К чести полковника, он ответил мне не сразу. Он посмотрел на нас обоих, потом подошел к окну. Прошелся по комнате, не обращая внимания ни на кого из нас. И когда он заговорил, голос звучал вполне спокойно, и даже — человечно.

- Пройденный этап, Крис? Что же, может и так. Вопрос лишь, а какие времена наступили после этого этапа? И на этот вопрос очень сложно ответить, учитывая сегодняшние реалии.

- Какие бы они ни были, но...

- Не перебивайте, Крис. Пожалуйста. Видите — я тренируюсь. Учусь вежливости, так сказать. Так вот, после вашего отбытия с Атлантиды кое-что изменилось. Много изменилось. И если начистоту: то я не знаю, как на все эти изменения реагировать. Никто не знает, я полагаю. И все вовлеченные стороны делают свои шаги наугад.

- Что именно изменилось? И насколько серьезно?

Я не думаю, что полковник жаждал нам все рассказать. Но он рассказал — сперва неохотно, словно сквозь зубы. Потом уже свободно, с эмоциями. Может быть, он сам таким образом пытался проанализировать происходящее. А возможно, ему просто хотелось выговориться. И мы предложили ему такую возможность.

Полковник рассказал, как на следующий день после нашего отлета к нему в отдел явилась — нет, ворвалась! — разъяренная Вивьен Рэшфорд. Пока пытался понять, как она прошла через все посты и почему ему никто ничего не сказал, она натурально его отчитывала. Полковник знал, что дверь в его кабинет обладает завидной звукопроницаемостью, но тут и он был не уверен, что этого будет достаточно. Он терпел, слушал, то краснея, то бледнея, изо всех сил пытаясь сохранить хладнокровие. Он услышал много уже позабытых им забористых выражений, которые он раньше слышал исключительно в казармах. Услышал пару новых: необычных, и очень оскорбительных. Он терпел, но у всего терпения есть предел, и в какой-то момент полковник его достиг.

Потом орал он, пользуясь тем, что его голос громче и сильнее голоса советника Рэшфорд, и заглушив ее как физически — голосом, так и эмоционально — напором и выплескивающимися из него эмоциями. Он сказал, что потом, анализируя тот момент, он даже не вспомнил, что именно говорил. Поначалу это было что-то об уважении и сотрудничестве, о перспективах и целях. Потом... потом были уже чистые эмоции. Полковник сказал, что сдерживал себя изо всех сил, чтобы не убить женщину, стоящую напротив него. Она пыталась ему возражать — несмотря на голос и разницу в габаритах. Она пробовала снова взять контроль над ситуацией в свои руки, но — безуспешно. И в конце концов она влепила ему пощечину — жестко, сильно, очень больно отбив при этом ладонь о чисто выбритую скулу полковника.

Полковник не стал нам рассказывать нам, как он буквально остолбенел. Как он почувствовал, что некое спасительное безумие накрывает его, и что он не в силах этому безумию противостоять. Он даже искал спасения в этом безумии, потому что не видел абсолютно никакого варианта логично и спокойно решить сложившуюся ситуацию, и остаться при этом нормальным человеком.

Разумеется, полковник ничего не сказал нам о том, как схватил Вивьен Рэшфорд за плечи, делая ей больно, и намереваясь то ли выкинуть ее в окно, то ли разбить об стену. Как она буквально рычала, стараясь вырваться, и как он вдруг ее поцеловал. Как остолбенела уже она, пока полковник, ничему уже не удивляясь и ни о чем не думая, не мог оторваться от ее губ. Как эти губы вдруг дрогнули, разжались — и она ответила на его поцелуй. Как они, буквально срывая дрожащими руками друг с друга одежду, упали на пол, не прекращая поцелуя, словно опасаясь, что только ищущие друг друга губы держат их в этот момент вместе. Как полковник вошел в жаждущую его женщину, умирая от страсти, злости и вождления одновременно, и стараясь дышать хоть иногда. Секс был бешеным, коротким и ярким. Скорее эмоциональным, чем физическим.

Полковник и не собирался нам ничего говорить о том, как он лежал на полу, обнимая женщину, которую он, как оказалось, и любил, и ненавидел, и гадал, что теперь будет. Как он спешил насладиться каждой секундой, пока еще ничего дальше не произошло. Как он слушал, как успокаивается дыхание той, чье полуодетое тело он обнимал. Вивьен поднялась, оделась, стараясь по возможности скрыть все следы произошедшего, и ушла — тихо, не сказав ни слова. Ни разу не подняв глаза на полковника.

Само собой, мы ничего не узнали о том, что она пришла к нему вечером, домой, в его холостяцкую квартиру. Так же ничего не сказав, она поцеловала его первой — сразу в дверях. И они опять любили друг друга — теперь уже бережно, медленно и нежно, с прерывающимся дыханием, аккуратно раздевая друг друга, осторожно исследуя каждый сантиметр кожи и не обращая внимания на время. Полковник помнил, как стоял той ночью у окна, глядя на ночную серую белизну за стеклом, и просто гнал все мысли из головы. Тогда, в тот момент, ему было ничего не важно — ничего, кроме уснувшей на его кровати женщины. Женщины, которая позволила себе наконец-то быть слабой и полностью завладела его сердцем. Полковник спрашивал себя, не было ли его сердце захвачено этой женщиной уже давно, намного раньше. И сам себе мысленно отвечал, что сейчас это совершенно не важно.

Полковник ничего этого нам не рассказал, но рассказал обо всем другом. Как они решили больше не быть марионетками и как начали готовить по возможности бескровный переход власти. У Вивьен Рэшфорд были люди в Совете, которые были не прочь усилить собственное влияние за счет снижения влияния других членов Совета. У полковника была сила в виде отдела безопасности. К сожалению, советник де Поль что-то заподозрил и стал торопить события, пытаясь сыграть на опережение. План передвинули вперед, но все равно опоздали: без единого выстрела занявшие здание Совета силы отдела безопасности советника де Поля нигде не обнаружили, сколько ни искали. Некоторые члены Совета добровольно сложили свои полномочия, некоторых арестовали по различным обвинениям. Насколько я понял, обвинения в принципе несложно было выдвинуть против любого члена Совета: все зависело лишь от выдвигающей обвинения стороны.

Таким образом, де-юре Совет продолжал руководить Атлантиком, но в своем сильно уменьшенном составе. Де-факто же власть пока была сконцентрирована в руках полковника и Вивьен Рэшфорд. Полковник как-то горько и обреченно-убежденно сказал, что это состояние шаткого мира без новых идей долго не продержится.

- Я вообще удивлен, что оставшиеся члены Совета не грызут друг другу глотки в прямом смысле. Я полагаю, что они просто пытаются сообразить, какой именно кусок пирога им по силам ухватить. Но сообразят они быстро, можете быть уверены.

- И как вы собираетесь поступить? — спросил Орвин.

- Не знаю, — совершенно честно и искренне сказал полковник. — Пока не знаю. Предсказать все варианты невозможно, придется реагировать на определенные действия. Но теперь вы понимаете, о чем я говорил, и в какой ситуации все мы оказались.

- Мда... — только и сказал я.

В свою очередь, я рассказал полковнику о нашей экспедиции. Кратко, только самое важное. И я был разочарован произведенным впечатлением — а точнее, отсутствием оно.

- Крис, расскажи вы мне все это неделю назад, и я был бы счастливейшим человеком на Атлантике. А сейчас... Я даже не знаю, хорошо ли то, что вы прилетели сюда, или плохо.

- Вы можете, наконец, прекратить вражду с Навигаторами. Объединить силы.

- Да, это возможно, — равнодушно отозвался полковник. — Но что это нам всем даст? Навигаторов осталось совсем мало, как я полагаю. Нас они никак не усилят.

- А как же возможности открывать и исследовать другие биомы?

- Эти возможности пока все еще скорее гипотетические, чем практические. Да, Старобор интересен, несомненно. Но если сейчас на улицах вспыхнет очередной бунт или раскол... То всем резко станет не до далеких чудес, Крис.

- Это может быть как раз отвлекающий момент. Тот факт, который не позволит бунту или расколу начаться.

- И это возможно. Крис, я сейчас не могу вам ничего сказать. Все... очень неопределенно. Да и чего вы вообще от меня ожидаете?

- Нам нужна помощь. Снабжение, помощь техников и ученых. Мы хотим понять, что происходит в системе Ядра.

- Означает ли это, что ваше возвращение на Родину не получилось таким удачным?

- Я так и не попал на Вильм, — возразил я, хотя полковник попал в точку. — И это остается одной из целей. И да, я хочу понять, что тут вообще происходит. Мне казалось, что вы хотели того же, полковник.

- Хотел. Наверное, и сейчас еще хочу. Только... только сейчас я уже задумываюсь, какую цену мы все готовы платить за знание. И готовы ли вообще. Готовы ли мы получить ответы на наши вопросы.

- **Мы** готовы, полковник. Я имею в виду нашу группу. А вы — за вас никто не решит, конечно. Но нам нужна ваша помощь. И взамен мы предлагаем свою.

- Что ж, это честно. Наш договор остался в силе, пусть и неким странным для меня образом, — полковник помолчал, подумал. — Крис, давайте поговорим завтра. Предметно, по пунктам. И вы, и я подумаем, чего именно мы хотим, что мы можем друг другу предложить и как это может выглядеть. Я предложил бы вам остаться, но вы вряд ли согласитесь. Сержант, а вы?

- Сэр, я...

- Сержант, я даю вам возможность выбрать. Считайте себя временно отстраненным от службы. Вы можете остаться в группе Криса, если хотите — и тогда уж решайте сами. Или вернуться в отдел прямо сейчас, я вас восстановлю в должности. Мне сейчас важен каждый лояльный человек.

- Сэр, я бы предпочел остаться в группе Криса, сэр.

Сержант меня немного удивил. Полковник ясно дал понять, что сержант ему нужен, но... Что ж, такому решению я лично был рад.

- Хорошо, — полковник кивнул. — Продолжайте тогда. Только учтите, сержант: на это время вы — не солдат отдела безопасности. А я — не ваш командир. Вы сами по себе.

- Так точно, сэр.

- Тогда не смею вас задерживать, господа. Мы увидимся с вами завтра, в первой половине дня.

На этом наша необычная беседа была завершена, и мы с сержантом вернулись к сгорающим от нетерпения остальным, как можно подробнее рассказав об итогах встречи. Вопросов и эмоций было много, ответов не было вовсе. Правильнее всего было дождаться следующего дня.

Глава 4

Следующая встреча с полковником оказалась неожиданно короткой и лаконичной. Мне вообще в какой-то момент показалось, что полковнику совершенно не до нас и он спешит поскорее от нас отделаться. Все это было неожиданно, непривычно. Пока я не мог для себя решить — радовали ли меня такие перемены или, наоборот.

За прошлую ночь, проведенную нами всеми в совсем не приспособленном для ночевки вироне, я смог подготовить и сформулировать то, чего мы хотим от полковника и тех сил, которые он представляет. Список, на мой бессонный взгляд, был достаточно скромным. Во-первых, нам нужно было подготовить вирон к дальнейшим путешествиям. Когда я сунулся за подробностями к нашему пилоту, он лишь закатил глаза и сказал, что всех мельчайших необходимых подробностей я знать точно не хочу. Я взвесил эту информацию внутри себя, частично согласился с ней и ограничился лишь аскетичной формулировкой "подготовить вирон". Дальше нам нужны были припасы. Несколько комплектов одежды у нас были, но вот с медикаментами дело обстояло хуже (доктор Водопьянова внимательно следила, чтобы я это записал). К тому же, нам было необходимо оружие и боеприпасы (это, разумеется, ко мне подошел сержант). Орвин высказался в том духе, что нам не помешало бы иметь запас еды и воды, на случай, если на неизвестном нам биоме вдруг не окажется ни того, ни другого. Георг добавил, что неплохо бы установить на вирон более эффективную систему регенерации воздуха. И еще, нам ни в коем случае нельзя забывать про оружие и боеприпасы ("Опять вы, сержант? Да записал я уже, записал!").

Кроме того, мы собирались вернуться на Старобор — как для поддержания в нужном тоне Князя с его командой, так и для сугубо практических целей: Георг настаивал, чтобы с нами полетел другой вирон, с другим пилотом. Эту мысль я нашел дельной, и выделил ее как одну из основных. Если с нами что-нибудь случится, то хотя бы часть работы будет проделана не зря.

Ну а сам я хотел странного: я хотел, чтобы наша экспедиция оказалось нужной еще хоть кому-либо на Атлантике. Почти всю бессонную ночь под аккомпанемент храпа сержанта и — неожиданно! — легкого похрапывания доктора Водопьяновой, я пытался представить себе значение того, что мы хотим сделать. Получалось величественно, но я никак не мог определиться ни с возможными последствиями, ни вообще с реакцией всех на грядущие радикальные изменения. Мое возвращение на Старобор и вправду прошло "не так уж и гладко": прав был, зараза, полковник. И Крапива... Сколько я ни гнал от себя мысли о ней, воспоминания о той встрече, о ее пальцах на моем запястье, о ее глазах... все это никуда не исчезало и не приглушалось. Мне удалось убедить себя, что нужно лишь время, что дружба Орвина важнее, и вообще, мне непременно нужно с ним на эту тему уже поговорить. Мой внутренний я смотрел на меня с каким-то сожалением и грустью. И как назло, стоило мне загнать в глубину сознания мысли о Крапиве, как в голову тут же полезли мысли о том, что же мы вообще делаем, и не увлекаю ли я всех остальных в невероятную, а главное — зловредную авантюру.

В результате ночью я так и не уснул, и на следующее утро сидел в кабинете полковника пустой и уставший. Со мной рядом расположилась доктор Водопьянова, сопровождавшая меня в этом нашем рейсе.

Полковник, наоборот, хоть и не выглядел выспавшимся и счастливым, но был энергичен и быстр. Он выслушал составленный нами список желаний, и совершенно неожиданно с ним полностью согласился. Я уже успел внутренне настроиться на борьбу и споры, и потому почувствовал себя обманутым.

- Но и нам от вас тоже кое-что понадобится, — весомо обронил полковник. — Мы собираемся в этот раз сделать все правильно. Не пытаться скрыть факты, о которых и без того знает или догадывается уже слишком много людей, а пустить информацию в массы.

Он так и сказал — "в массы". Мне показалось, что такая фраза не очень-то подходит прежнему полковнику. Или это уже новый полковник?

- Хорошая мысль, — сказал я. — Мы тоже считаем, что открытиями нужно делиться. Мы хотели бы, чтобы нас в следующем рейсе на Старобор сопровождал другой вирон с другим пилотом.

- Мы бы на этом даже настаивали, — в очередной раз удивил меня своей пронизательностью полковник.

- Что еще потребуется от нас? В смысле — для того чтобы поделиться информацией со всеми?

- Вам придется ответить на вопросы журналистов. Вы знаете, кто такие журналисты?

- Примерно знаю. Это было в базе данных.

- Хорошо. Вопросы мы, разумеется, рассмотрим заранее. Информацией надо делиться, без сомнения. Но не стоит делать это необдуманно, наобум.

Аааа, нет. Это все же не новый, это все тот же полковник. Цензура, контроль... Кнут и пряник. Дозированная подача ответов. Это мне уже куда более знакомо и привычно. Я выдохнул и вспомнил про еще одно важное дело:

- Полковник, а где мы можем жить всё это время? Ну, я имею в виду время подготовки.

- Эмм, — полковника мой вопрос озадачил. — Я не очень... То есть, поместить вас всех в отдел безопасности теоретически можно, но... Это будет не лучшим решением.

Ну да, это же не он вчера пытался уснуть в тесном вироне с нашей немаленькой компанией. Не лучшее решение, конечно.

- Я думаю, мы могли бы остаться в медицинском центре, — вдруг предложила доктор Водопьянова. — Уверена, что доктор Шеви будет нам рад, да и место у него есть. Опять же, там есть и оборудование, и медикаменты. Недалеко до лабораторий и мастерских.

- Отличное решение, — кивнул полковник с явным облегчением. — И образ хороший: грядущая экспедиция не под замком, а занимается научной работой. Отлично.

Вот на этом мы нашу встречу и закончили. Полковник пообещал предоставить в распоряжение Георга двух техников и один ангар для амок, и согласился открыть склад отдела безопасности для наших нужд. Вопрос оружия и боеприпасов сержант будет решать сам, я не видел причины вмешиваться в то, что сержант знает лучше нас всех. Про еду и воду, а точнее — про компактные версии таких припасов, полковник тоже пообещал подумать. Все же вирон и без того становится тесен для такого количества людей. Я попытался представить, как будет выглядеть наше транспортное средство, если в него запихнуть все то, что у нас на уме, — и не смог. Ладно, там будет видно.

Старобор — потерян и снова найден?

Специальная исследовательская группа Совета Атлантиды отчиталась о сенсационном результате длительной кропотливой работы: биом Старобор был снова обнаружен. Этот биом был открыт еще до Раскола и даже частично занесен в регистры Атлантиды. Однако затем биом сдвинулся с места и был утерян. По словам советника Рэйшфорд, возглавляющей работу комиссии, специальная группа исследователей сумела вновь обнаружить биом. В данный момент разрабатывается серьезная исследовательская миссия на новообетенную землю. "О свободных регулярных перелетах на Старобор пока говорить преждевременно, но я бы не стала такую возможность исключать в будущем, причем — недалеко будущем", — сообщила нам советник Рэйшфорд в эксклюзивном интервью.

Мы держим руку на пульсе этой невероятной новости. Следите за обновлениями!

Так мы оказались в медицинском центре. Снова здесь, к совершенно неподдельной радости доктора Шеви, которая подкреплялось честью принимать у себя *ту самую* доктора Водопьянову. Нас с Орвином разместили вдвоем, сержанту предоставилась возможность либо ночевать в комнате с Георгом, либо "искать другой вариант". Оба согласились на совместное временное проживание, хотя оба, очевидно, были далеко не в восторге от такого решения. Куда поселили доктора Водопьянову, я не знал, но был уверен, что у нее условия проживания определенно лучше, чем у нас всех вместе взятых.

Я сдержал слово, данное доктору перед нашим с Орвином отлетом на Пермафрост: тогда я обещал вернуться, и передать себя в руки ученых. И ученые взялись за меня всерьез. Меня кололи и просвечивали. Пропускали через мудреные аппараты, назначение которых было мне неизвестно. У меня брали образцы тканей и кожи. Все физиологические жидкости вообще сдавались литрами. Но при этом мне хотя бы не нужно было бегать по полосе препятствий и ломать руки другим солдатам. Доктор Шеви сиял, как Святой Круг, так что я не возражал.

В свободное время я старался проводить всех. Георг почти постоянно пропадал в том ангаре, который был выделен полковником для модернизации нашего вирона. Поскольку новость о нашей экспедиции теперь стала общедоступной, у всех пропала необходимость что-либо скрывать. На нас посматривали чуть ли не как на героев, и техники горели желанием поучаствовать в подготовке нашей следующей миссии. Работа двигалась. Полуободренный вирон торчал со всех сторон кабелями, шлейфами разъемов и прочими крепежами. Георг затеял переоборудование кабины, и для меня это выглядело так, что вирон никогда больше не сможет подняться в воздух. Георг утверждал, что амка будет готова максимум через неделю. Если я спрашивал пилота, что у нас изменится или добавится, то он охотно отвечал. Причем отвечал настолько охотно и подробно, что через несколько минут непрерывных терминов и технических показателей я извинялся, и под любым предлогом сбегал из мастерской.

Доктор Водопьянова порой сама приходила ко мне или участвовала в бесконечных исследованиях моего бедного организма. Рядом почти всегда крутился сияющий доктор Шеви, и я не очень удивился, когда однажды доктор попросилась остаться днем поработать у меня в комнате. Я как раз собирался в мастерские, к Георгу, но для формальности спросил:

- Доктор, а что не так с вашими комнатами?

- С ними все в порядке, — вздохнула доктор Водопьянова, усаживаясь за мой терминал. — Но у них тоже нашелся определенный минус.

- И какой же? — улыбнулся я.

- Тот факт, что доктор Шеви, по сути, в них прописался, — проворчала доктор. — Если бы не наш с ним возраст и его репутация примерного семьянина, то я была бы уверена, что он за мной ухаживает.

- А может так оно и есть? — невинно поинтересовался я.

- Ой, Крис, вот не надо! — доктор глянула на меня с раздражением в глазах. — Я была бы уже даже рада, если бы так было. Не потому, что я невероятно жажду оказаться в объятиях нашего милого доктора Шеви, а потому, что такой интерес для меня куда более переносим, чем постоянное преследование на профессиональной почве.

- И потому вы решили спрятаться здесь.

- Именно.

- Он вас найдет, — сказал я, стараясь придать своему голосу нотки драмы и обреченности.

- Непременно найдет, — согласилась доктор. — Но если мне повезет, то пару часов покоя я выиграю.

“Мы не останавливаемся в нашем стремлении узнать больше!”

Именно так можно сформулировать посыл, который транслирует нам один из членов исследовательской группы Совета — Крис. Крис — модифицированный человек, чье появление на Атлантисе также окутано завесой тайны и мистики. Он полон сил и желания искать ответы, и рвется вперед — в неизвестность. В разговоре же Крис скромнен и даже застенчив, во многом полагаясь на помощь и поддержку своего руководителя — советника Вивьен Рэшфорд. По словам Криса, все участники экспедиции воодушевлены открывающимися перспективами и не собираются останавливаться в исследованиях, даже рискуя собственными жизнями. Такая преданность делу Атлантисы не может не вызывать восхищение и гордость у любого жителя нашего биома. Крис сказал, что он пока не ощущает никакого давления или негативных последствий свалившейся на него славы.

То, что ко мне порой стали подходить и заговаривать со мной незнакомые мне люди, поначалу мне очень нравилось и льстило. Я старался быть дружелюбным, открытым и охотно отвечал на вопросы. Я чувствовал себя значимым и важным. Но постепенно я осознал, что каждая такая встреча отнимает у меня время. Я быстро понял, что некоторые такие встречи были не случайны, и тогда с невероятной ясностью я вжился в чувства доктора Водопьяновой, которой удавалось скрываться у меня в светлое время суток два дня подряд, пока ее убежище не вычислил доктор Шеви. Я почувствовал себя опять в тылу врага, как когда-то на Староборе, когда мы с Орвином проникли в Волчью Твердь. Я стал избегать общих коридоров и лестниц, выискивая более укромные маршруты. В общем, на поверку слава оказалась далеко не такой притягательной и куда более обременительной, чем я себе представлял.

Доктор Водопьянова успевала не только поучаствовать в расчетах моих биологических показателей, но и работать с учеными и механиками группы Нишанта — того самого инженера, который помог нам адаптировать электронику шлемов под атмосферу Ядра, и с тех самых пор остался на Атлантисе, бывая на Пермафросте лишь изредка. Группе удалось сделать экранирующий контейнер компактнее и легче, что упростило и облегчило конструкцию шлема. Кроме того, группа разработала специальные герметичные костюмы для нас, которые не предохраняли от физических повреждений, но защищали от радиации и некоторых других излучений. Никто из нас не знал, с чем мы можем столкнуться на других, неизвестных биомах. Подготовиться абсолютно ко всему было невозможно, но быть защищенным хоть от чего-то было неплохо.

Сержанта я почти не видел. Получив столь неожиданную даже для него самую свободу, сержант словно обрел вторую молодость. Он почти перестал хромать на раненую ногу — уж не знаю, как он этого добился. Почти все свое время он проводил либо в мастерских, без конца модифицируя и улучшая свое оружие, либо на стрельбище, испытывая созданные модификации. Полагаю, именно факт занятости сержанта и Георга в разных областях и стал единственной причиной, по которой эти двое не поубивали друг друга всякими изощренными способами. Потому как, оказавшись вдруг вместе, они постоянно устраивали словесные перепалки, ни в коем случае не забыв долгого противостояния Навигаторов и Совета.

Наша группа едина, и каждый в ней играет свою важную роль.

Сегодня мы поговорили с другим участником группы — Орвином, который оказался уроженцем того самого Старобора, название которого сейчас на устах у каждого обитателя Атлантисы. Орвин готов часами рассказывать о своем родном биома, и если его рассказы хоть частично соответствуют действительности, то Старобор — поистине райское место. Орвин высоко ценит работу группы именно как слаженного механизма абсолютно равных участников. Залогом достижения результата в этой непростой миссии Орвин считает открытость, честность и готовность каждого заботиться о других. Только при таких условиях, считает Орвин, человек может рассчитывать на успех в смертельном исследовании

неизвестных просторов Ядра. Что ж, нам остается только согласиться с этим не по годам здравомыслящим молодым человеком.

Объяснение с Орвином было неизбежным. И тем не менее, я откладывал этот разговор так долго, пока самому не стало противно. Чем больше времени проходило, тем сильнее грызла меня необходимость выговориться, и хотя бы попытаться вернуть наши бывшие дружеские отношения. Оказалось, что такое положение дел съедало изнутри не только меня. Поэтому ситуация решилась просто: в один из вечеров мы оба случайно оказались в нашей комнате днём, хмуро глянули друг на друга и, не сговариваясь, решили поговорить.

Наверное, это был один из самых сложных разговоров за мою жизнь. Правда, я не так уж часто говорил серьёзно и долго с людьми, чье мнение было для меня действительно важно. Сперва было неловко — нам обоим. Неловко говорить о девушке, которая нам обоим была небезразлична. Мы оба не понимали причину этой неловкости, и нас обоих эта неловкость тяготила. Потом были эмоции, слишком сильные и острые слова друг другу. Взаимные обвинения и упреки. В такие моменты, как оказалось, почему-то напрочь забывается то хорошее, что было пережито вместе. То доброе, что тебе сделал человек, на которого ты сейчас срываешься. После первого раунда, когда нам удалось немного выпустить пар и при этом не полезть друг на друга с кулаками, в комнате воцарилась тягучая, неприятная тишина.

- Я не знаю, как мы можем эту ситуацию решить, — сказал я, прерывая паузу. — У меня никогда такого не было. Такой ситуации.

Орвин хмыкнул, промолчав. Очень непривычно это для него — промолчать.

- Я думал об этом, — неохотно отозвался мой друг. — Но ничего так и не придумал. Вплоть до того, что мы можем вдвоем подойти к Крапиве, и все ей рассказать, как есть. Только глупо это, на самом деле. Она нас даже не дослушает, выгонит.

Я покивал, никак не показав того, что это решение только что пришло мне в голову, и я счел его весьма хорошим.

- Тогда как? — немного нелогично спросил я, но Орвин меня понял.

- Не знаю, — вздохнул он. По-настоящему вздохнул, искренне. — Не знаю.

- Орвин, я не хочу потерять нашу дружбу. А у меня именно такое ощущение: я тебя теряю. А ты мне нужен. Да и не только мне, всей нашей компании. Экспедиции.

- Ага, нужен. Как говорящий зверек. Толку от меня...

- Вот только не начинай! Толку от тебя порой больше, чем от нас всех вместе взятых. И вот не надо жалеть себя — это не в твоём стиле. Ты же не ударенный головой, как я.

Моя жалкая попытка пошутить успеха не возымела: Орвин лишь кивнул, не улыбнувшись. Но я ждал его реакции.

- Знаешь, порой мне хочется быть ударенным. Одно время я часто мечтал о том, что я тоже модифицированный — только пока об этом никто не знает. А вот придет время... Но время приходило и уходило. А я — это я. Потом мне перехотелось быть модифицированным. Это... как-то сложно объяснить. А сейчас — я не знаю.

- Ты — это ты. И то, что я модифицирован, не делает меня ни лучше, ни хуже. Я живу с тем, что от меня чего-то ждут и чего-то хотят. Иногда это льстит, но в большинстве случаев — бесит. А Крапива... я не думаю, что она этому уделяет внимание. Я думаю, что она...

- Мы вот как поступим, — мрачно перебил меня Орвин. — Мы поговорим с ней, оба. Но не вместе. По отдельности. Так, как каждый из нас сочтет нужным. И посмотрим, что из этого получится.

- Хорошо, — слегка поразмыслив, ответил я. — Думаю, что это хорошая идея. Следующая экспедиция стартует сперва на Старобор. Тогда у нас будет возможность поговорить с Крапивой, попробовать объясниться. Кто будет первым?

Это был самый простой вопрос, но у нас на него не оказалось ответа. После недолгих сомнений мы решили поступить максимально просто: пусть за нас все решит случай. Мы взяли наши пластиковые пропуска, идентичные по размеру, положили их в пустую сумку, валяющуюся тут же в комнате. Долго и сосредоточенно эту сумку трясли, а потом Орвин не глядя засунул в сумку руку, и вытащил пропуск того, кто первым пойдет говорить с Крапивой. Пропуск, который он извлек, оказался его. Я не знал, хорошо это для меня, или плохо — разговор с другом это одно, а разговор с девушкой, которая тебе нравится, — совсем другое. И отчего-то мне показалось совсем неважным, кто из нас будет говорить первым. Судя по выражению лица моего друга, он был примерно такого же мнения.

- Как-то так, — неуверенно сказал Орвин, и неожиданно улыбнулся.

- Именно так! — кивнул я, широко улыбаясь в ответ.

Лед тронулся, лед сломался и был разбит. Следующие часа два мы провели, рассказывая друг другу взахлеб о том, что узнали нового за эти дни.

Один день до старта — Атлантис затаил дыхание.

Завтра стартует вторая экспедиция под патронажем Нового Совета Атлантиса. Советник Рэифорд поведала нам, что в составе экспедиции будет два транспортных средства — предположительно, речь идет о виронах. Оба вирона направятся к новооткрытому Старобору, по пути тестируя улучшенную электронику. После достижения биома экспедиция разделится: один вирон должен будет вернуться на Атлантис, а второй — полететь дальше, в пугающую и манящую неизвестность. Конечная цель второго вирона общественности не раскрывается, порождая тем самым множество теорий и спекуляций. Одно можно сказать точно: к этой экспедиции приковано пристальное внимание не только Нового Совета, но и практически всего Атлантиса.

- Новый Совет? — спросил я, ухмыльнувшись.

- Незачем слишком усложнять восприятие обывателя, — пожал плечами полковник. — Все знают, что такое "Совет". И все понимают, что "Новый Совет" - это улучшенная версия того, старого Совета. "Новое" неосознанно воспринимается как "лучшее". А в данном случае это еще и правда.

Полковник с каждым днем все больше походил на политика, чем на военного, несмотря на то, что продолжал ходить в военной форме. Он стал больше и увереннее говорить, и даже некоторые моменты его поведения стали неувлимо напоминать поведение советника де Поля.

- Советника де Поля так и не нашли?

- Нет, не нашли. Но вам о нем не нужно волноваться. До завтрашнего старта здесь будут соблюдаться беспрецедентные меры безопасности.

- Мы и не волнуемся. Мне кажется, советник де Поль опасен прежде всего для вас.

- Прежде всего — для всех нас. Мы все — в одной лодке. В одной лодке со всем Атлантисом. Ваша экспедиция пользуется невероятной популярностью.

- Да, это я заметил. Популярность настолько высока, что полностью затмила собой смену состава Совета.

- Бескровный переворот. Лучшее, что могло произойти, на самом деле. И Новый Совет гордится тем, как изменилась и еще изменится жизнь на Атлантисе. Мы только начинаем.

- Вы, похоже, стали политиком, полковник.

- Политик... Это всего лишь слово, термин, которому я лично не придаю много значения. Но поверьте мне, Крис: даже если и так, то при этом я не перестал быть офицером отдела безопасности. Наш мир неидеален и хрупок. Особенно хрупок сейчас, во время перемен. Реконструкция Совета, амнистия оставшимся Навигаторам, попытки договориться с существующей

оппозицией... Поверьте, наша “экспедиция” здесь, на Атлантиде, будет ничуть не проще и не безопаснее вашей.

- В это я верю. И не хотел бы поменяться с вами местами.

- Мне кажется, это было бы плохой идеей, — полковник улыбнулся кончиками губ. — Мы с вами — на своих местах. И именно этим и обусловлен тот прогресс, которого мы достигаем и еще достигнем. Мы уже нашли Старобор. А сколько еще открытий впереди — никто не знает.

- Кстати, а что будет со Старобором?

- Пока — ничего. Ситуация слишком щекотливая, чтобы принимать поспешные решения. Надо же, люди на том биоме ничего не знают о мире, который их окружает. Наша задача — найти тот самый верный путь, баланс между правдой и осознанным беспокойством. Пока такой баланс не найден и не утвержден, мы никак не будем вмешиваться в жизнь Старобора. Хватит уже того, что вы в нее вмешались. Наша позиция сейчас — наблюдать. Наблюдать и изучать, никакого свободного доступа.

В кои-то веки я был полностью согласен с полковником. Я уже представил себе толпы жителей Атлантиды, прилетающих посмотреть на жителей Старобора, как на диковинку. И от этой картины у меня волосы вставали дыбом.

- Так что, Крис — ищите. Ищите, и находите. Но главное — возвращайтесь обратно. Времена поменялись, как мы с вами уже говорили. Не нужно прятаться, не нужно бежать. Тут ваша база, тут вам рады, и ждут вас обратно.

Прозвучало хорошо, и даже искренне. Мне очень хотелось верить в то, что все это именно так и есть.

Глава 5

Я сидел в "нашем" переоборудованном вироне на месте второго пилота. Шлем со встроенной электроникой пока лежал на коленях: до старта было еще время. Георг настолько сосредоточенно колдовал над панелью управления, что я счел правильным ничем его не отвлекать. Обернувшись и бросив взгляд в салон, я в очередной уже раз удивился метаморфозам транспортного средства. От свободного внутреннего пространства вирона почти ничего не осталось: в шести креслах салона все еще могли усесться шесть человек, но и только — все остальное место было занято вещами и оборудованием. Да, механики ловко распределили багаж по стенам, прикрепив его намертво и даже обтянув прочным изолирующим покрытием, чтобы мы не поотбивали себе головы о торчащие железяки и углы контейнеров в случае нештатной ситуации. Но все равно, вид вирона изнутри создавал иллюзорную тесноту даже в пилотской кабине.

Вообще, много изменений было сделано именно "в случае нештатной ситуации". Как резонно отметил Георг, лучше подстраховаться на все случаи, и пусть нам все это на самом деле не понадобится, чем оказаться в ситуации, когда у нас не окажется чего-то необходимого. В результате, в вироне все еще можно было сидеть, и даже осторожно перемещаться, но вот спать уже — никак. Количество кресел в салоне наши техники решили было сократить до четырех, но мы отстояли два запасных места просто на какой-то непредвиденный случай.

- Ну вот, теперь, наверное, все, — удовлетворенно сказал Георг, и вытер бусинки пота со лба.

- Все в порядке? — аккуратно поинтересовался я.

- Точно узнаем в пути, но должно быть в порядке. Видишь на визоре линию?

Георг поднес свой шлем к лицу, не надевая его, и посмотрел на визор изнутри. Я последовал его примеру. На активном визоре я действительно увидел тонкую желтую прерывистую линию.

- Вижу. Что она означает?

- Это наш курс. Я проложил его на Старобор. По идее, даже если мы будем изменять наше направление и местоположение, курс должен держаться. Так уверяли меня ребята из группы Нишанта, и выглядели они при этом очень уверенными. Я еще во время прошлого рейса как мог зафиксировал местоположение Старобора и Вильма, и сейчас их можно выбрать как пункты назначения. Короче, нечто вроде примитивной навигационной системы. Раньше это было невозможно, навигация сбоила и вела куда угодно, но только не туда, куда тебе было нужно.

- А теперь все это работает?

- Вот это и есть вопрос вопросов! Первый час после старта даст нам на него ответ, будь уверен.

Странно, новый старт с Атлантика в белую пелену не произвел на меня такого впечатления, как предыдущий. То ли я настолько доверял нашему пилоту и нашей усовершенствованной электронике, то ли мою голову занимали совсем другие мысли. Линия на визоре показывала куда-то в никуда, но судя по довольной улыбке Георга, это было правильное никуда.

До Старобора мы добрались без проблем. Электроника не подвела, и когда края биомы стали видны невооруженным взглядом, в салоне вирона возникла негромкая волна ликования. Неужели настала новая эра в системе Ядра? Эта, в которой возможны спокойные и безопасные перемещения между биомами?

- Класс! — воскликнул Георг, откинувшись на спинку кресла. — Вот так точность! Но обольщаться рано. Старобор за эти дни никуда не сместился по отношению к Атлантике. А если судить по прошлым записям, то он вполне на это способен.

- И что тогда?

- Тогда надо подниматься над атмосферой, и находить его заново. Мы подготовились и к такому варианту. Теоретически, терминал вирона должен быть способен рассчитать курс. А вот работает ли это практически узнаем, если нам действительно придется это сделать. Впрочем, наверх все равно предстоит подниматься — нам нужны новые биомы, не так ли?

Я кивнул. Да, нам нужны новые биомы. Несмотря на то что мы пока понятия не имеем, что делать со "старыми". Ладно, не о том я сейчас.

- Георг, полетели сразу к дому Марии. Найдешь? Там сядем, и оттуда отправим второй вIRON обратно на Атлантис, как и было задумано.

- А мы сами надолго задержимся на Староборе?

- Нет. Я полагаю, одного дня нам будет достаточно.

Сразу после высадки мы провели Медведя и Марию — у них все было в порядке. Они оба не ожидали нас увидеть так быстро, и изрядно удивились, но их удивление было радостным. Медведь рассказал, что его навещали из Города. В Городе после нашего отлета было на удивление тихо, да и представительство Неизвестного тоже затаилось. Судя по всему, Князь решил не рубить с плеча и хорошенько обдумать новую ситуацию. Что ж, для нас это был добрый знак. Впрочем, я и не ожидал столкнуться с проблемами на Староборе так рано.

Обоим пилотам другого вирона, также благополучно достигшего Старобора, мы дали потарашиться на местную природу да поудивляться почти полному отсутствию ветра. В общем, дали немного насладиться тем, что они никогда не видели на Атлантисе, после чего решительно отправили их обратно. Я улыбнулся, предвкушая, как на них по возвращении накинута составители новостей. Таким образом, основные задачи на Староборе были решены. Правда, по лицам всех без исключения участников нашей экспедиции было видно, что улетать так скоро никто не хочет. Мы сообща решили остаться здесь на ночь и стартовать на Вильм рано утром. Да и к тому же у нас с Орвином были еще свои нерешенные дела.

И вот я пробирался через лес, совершенно не замечая накрапывающего дождя. Орвин вернулся совсем недавно, но я почему-то не хотел приставать к нему с расспросами. Мне кажется, он тоже предпочел меня пока проигнорировать. К вечеру, когда все сели ужинать, я взял одну из лошадей, приведенных ранее из Города для Медведя, и поехал к Крапиве.

Уворачиваясь от блестящих от влаги веток, я размышлял о том, в каком настроении будет девушка, особенно после разговора с моим другом. И очень быстро пришел к выводу, что такие размышления являются безусловно лишними, и только вгоняют меня в еще большую грусть и неуверенность. Я совершенно не представлял себе, что хочу сказать Крапиве, о чем вообще хочу поговорить. Почему-то я был уверен, что так правильнее всего — находить верные слова нужно без подготовки, интуитивно. Я слишком хорошо помнил нашу последнюю встречу и то, что я говорил и что чувствовал.

Крапива была дома. И даже открыла мне дверь сама. У меня разом вспотели ладони, благо я был и без того весь мокрый от дождя. Она посмотрела на меня как-то устало, задумчиво, и молча пошла в дом. Мне оставалось только принять это как приглашение, и я поплелся за ней.

Дом, в котором жил трактирщик со своей женой и дочерью, был совсем небольшой и чем-то напоминал дом Марии. Правда, порядка тут было меньше, но на это я и вовсе не обращал внимания. Крапива села за стол, подперев голову руками. На меня она не смотрела, а я не мог оторвать от нее взгляда, оставаясь стоять на почтительном расстоянии и чувствуя себя максимально неловко.

- Мама с папой в городе сегодня. Мама заболела, и папа повез ее к священнику, — тихо сказала Крапива. Мне вдруг показалось, что она вот-вот расплчется.

- Я... пришел поговорить, — выдавил из себя я.

- Ну говори, — еле заметно кивнула девушка, не поднимая на меня глаз. — Твой друг сегодня уже приходил. Тоже поговорить.

- И что? — спросил я, запоздало отметив глупость вопроса.

- И ничего, — вздохнула Крапива. — Простоял так же, как ты, посередине комнаты. Говорил... Впрочем, это не важно.

Я хотел возразить, что нет, это очень важно. Важно даже не то, что говорил Орвин, а то, что Орвину говорила Крапива. И что теперь будет. И как быть нам всем. И еще много чего хотел я сказать, но тут она подняла голову, и посмотрела мне в глаза. В глазах стояли слезы, настоящие. Все слова застряли у меня в горле, и я лишь сделал шаг вперед, к ней.

- В прошлый раз... В прошлый раз я сказал, что ты очень красивая, — заговорил я, бросаясь в омут с головой. — Сказал, потому что не мог думать ни о чем другом. И я думал, что это странно, глупо. Что это наваждение, и это пройдет, но... Вот сейчас я тоже не могу думать ни о чем. Ты можешь ругаться на меня, ты можешь кричать на меня — это ничего не изменит. Не изменит того, что я чувствую... к тебе. Как ты мне нравишься. Но если...

Она быстро встала со стула и оказалась возле меня, глядя на меня снизу вверх. У меня моментально перехватило дыхание. Крапива протянула руку, и дотронулась до моего лица кончиками пальцев. И ничего нежнее этого прикосновения я никогда не испытывал.

Я шагнул вперед и обнял ее, прижав к себе. Я услышал лишь вздох, прерывистый и совсем тихий. Склонив голову, я нашел ее губы, и поцеловал их. Я часто представлял себе, как наверное нужно целовать девушку, иногда даже видел, как целуются взрослые, но я и не представлял, как это на самом деле. Ее губы были мягкими, невероятно теплыми и нежными. Она ответила на поцелуй, разрушив мое сознание и сразу же лишив меня контроля над собой.

Мы оказались на полу, одновременно рухнув друг на друга и переплетаясь так тесно, что нас невозможно было разъединить. Больше всего на свете в этот момент я желал, чтобы время остановилось, предоставив нас друг другу навечно. Мы целовались — неумело, неуверенно и неловко, но это было совершенно неважно. Мои руки гладили ее спину, плечи, порой опускаясь ниже, запоминая ладонями все изгибы ее тела. Она вздрагивала от моих прикосновений, но лишь сильнее прижималась ко мне, сводя меня с ума окончательно.

Я совершенно не помнил, как стащил с себя рубаху и как она осталась без верха. Когда ее обнаженная обжигающая меня своим теплом кожа прикоснулась ко мне, мир вспыхнул в моих широко открытых глазах. Ее глаза были закрыты, а я не мог не смотреть на ее красоту, пленяющую меня. Моя ладонь опустилась на ее грудь, и она едва слышно застонала. Я спустился цепочкой поцелуев по ее шее ниже, к ложбинке между ключиц. Потом, уже совсем не управляя собой, я просто дышал, жил в проходящем моменте, вдыхал запах ее волос, целуя каждый сантиметр ее кожи. Мы оба сошли с ума, мы оба были одержимы друг другом, и ничего другое в этом мире не играло абсолютно никакой роли. Моя рука, скользнув на ее талию, нерешительно остановилась на поясе ее штанов. И она чуть приподнялась над полом, позволяя мне раздеть ее полностью, безмолвно соглашаясь на это.

Я ничего не понимал, и не хотел понимать. Я желал лишь эту девушку, жаркую и возбужденную, а она желала меня. Мы ничего не знали о том, что происходит в такие моменты, но инстинкты взяли свое. Мир сложился в причудливую мозаику и взорвался в наших эмоциях в первый раз — неуклюжий и быстрый, но чувственный и невероятно приятный.

После мы лежали рядом среди разбросанной одежды, обнимая друг друга и не решаясь отпустить ни на миг. Я не мог насмотреться на нее, иногда осторожно прикасаясь губами к ее коже. Мы не сказали ни слова, да и не нужны сейчас были слова. Ее голова лежала на моем плече, и я готов был убить любого, кто осмелился бы сейчас прервать это почти невыносимое ощущение счастья.

Время... Только оно могло вмешаться и остаться безнаказанным. Я почувствовал, что она замерзает. С удивлением осознал, что и мне холодно, но это сейчас ничего для меня не значило. Я подтянул лежащую рядом со мной мою рубаху, и с легким сожалением укрыл Крапиву тканью. Она подняла голову, и посмотрела на меня так, что я не смог ее не поцеловать.

Мои губы болели от непривычного занятия, и были, кажется, прокушены в нескольких местах — причем я не был уверен, чьи зубы в этом повинны.

- Не уходи, — прошептала она, оторвавшись от моих губ.

- Я не уйду, — прошептал в ответ я.

- Я имею в виду — никогда не уходи...

- Но...

- Я знаю. Не надо говорить. Я знаю, это невозможно. Но я... Я не могу тебя отпустить.

Я так плакала...

Я не смог ей ничего ответить. Лишь постарался укрыть ее собой, согреть своим теплом.

И я надеялся, что это говорит громче слов.

- Не слушай меня. Это я так, не всерьез. Ты уйдешь, я понимаю. Но ты вернешься.

Правда?

- Я не уйду. Меня не будет рядом с тобой, но теперь мы — вместе. Навсегда. Я не умею это объяснить... Но я не могу думать ни о чем другом, только о тебе.

- Даже когда ты летаешь там, наверху?

- Всегда.

- Врешь, конечно... Но это так приятно...

Это было приятно.

А кроме того, я не врал.

Я вышел из дома Крапивы в темноту. Я настоял на том, чтобы она меня не провожала, потому что оставить ее сейчас было для меня мучением. Мы еще долго обнимались в гостиной, целуя друг друга измученными губами. Наконец, я усадил ее на стул, и вышел из дома, не оглядываясь. Я прикрыл за собой дверь, и пошел отвязывать дремлющую лошадь. Мы с Крапивой не давали друг другу никаких клятв или обещаний. Подумав об этом, я усмехнулся — как ничтожны были слова по сравнению с тем, что я чувствовал. Как незначительны они были. Все важное было в сердце. Только сейчас, сев в седло и направившись в обратный путь, я подумал об Орвине. Впервые в жизни я не знал, что нужно ему сказать. Впервые в жизни я не был готов говорить правду своему другу. Это меня огорчило, но и к этому разговору я тоже не буду готовиться. Впервые в жизни я кажется осознал, что кажется в жизни есть что-то, что сильнее дружбы.

Орвин сидел в темноте на ступеньке у входа в дом. Ждал меня. Я внутренне вздрогнул, прикинув, сколько он вот так уже сидит.

- Все спят. Доктор в доме, сержант где-то в сарае устроился. И только Георг пошел спать в вирон.

- А ты?

Орвин помолчал. От теребил в руках какую-то маленькую корзинку, для ягод. Я спешился, привязал лошадь к столбу забора, и подошел к нему.

- Поговорили? — спросил он.

- Поговорили.

- Ну, поздравляю. У меня, знаешь ли, не получилось толком поговорить. Я вот тебя ждал, и все время спрашивал себя, ну как же так? Я же хорошо говорю. И складно, между прочим. И вроде не трус. Хотя трус, конечно, но все же. А с ней — не смог. Стоял как истукан, посередине комнаты. Бормотал что-то.

- И... вообще ничего не говорили? — спросил я хрипло.

- Говорили. Она говорила, а я — слушал. Что-то про настоящую дружбу, про поддержку. Про брата, которого у нее нет, а так хочется. Что-то еще, я уже толком и не помню.

В словах Орвина звучало столько боли и горечи, что меня разрывало и выворачивало наизнанку. Я представил себя на его месте, выслушивающим что-то подобное от девушки, в которую влюблен, и вздрогнул. Я не знал, что сказать своему другу в такой ситуации.

- Так что, считай, никакого разговора у нас и не было. Ну, то есть был, но лучше бы его не было. Не то, что у вас.

- Я... Мы... В общем, мы...

- Заткнись. Не смей. Не говори. Закрой рот. — Орвин упрямо смотрел в корзинку в своих руках, которую он практически расплел. — Это... видно. И я тебя ненавижу прямо сейчас.

Я опешил от того, что это было правдой. И от того, что понял, какую смелость и силу надо иметь, чтобы такое сказать. Мне стало невыносимо грустно. Я осознал, что в глазах Орвина являюсь единственным виновником его положения, но сам не чувствовал за собой вины.

- И что теперь? — спросил я после паузы.

- Не знаю, — пожал плечами мой друг. Неужели *бывший* друг? — Не готов тебе ответить на этот вопрос. И себе тоже не готов.

Я молчал. Что мне сказать? "Мне жаль" было бы правдой лишь с одной стороны и насмешкой — с другой, и Орвин бы это понял. Извиняться мне было не за что. Мне было на самом деле невероятно жаль его, но говорить об этом сейчас было бы неверно, неправильно. Ему сейчас жутко, ему сейчас плохо, и никакого чувства жалости от меня он сейчас не примет. Поэтому я стоял рядом и молчал. Орвин посидел еще минуту, потом осторожно положил растерзанную корзинку на крыльцо и поднялся.

- Пойду спать.

Он прошел куда-то мимо. А я не стал его задерживать и что-то пытаться выяснить. Мы во всем разберемся, так или иначе. Но — не сейчас.

Глава 6

Утром на меня смотрели. Вроде ничего необычного, но я то и дело ловил на себе взгляды. Заинтересованные, порой встревоженные. Но все же — дружелюбные. Орвина за завтраком не было, равно как и Георга. По словам Марии, они поели рано, пока мы все еще спали, и ушли к вирону.

Святой Круг, неужели невозможно влюбиться в девушку, узнать, что она тоже испытывает к тебе чувства, и чтобы этого никто не заметил?

После быстрого неловкого завтрака ко мне подошла доктор Водопьянова.

- У вас все в порядке? С Орвином?

- Не знаю, — ответил я максимально честно, не желая вдаваться в подробности. — И не думаю, что это сейчас так важно.

- В нашей экспедиции нет неважных моментов, — жестко ответила доктор. — Долететь до Старобора было самым легким делом. То, что мы собираемся делать дальше, будет посложнее. И я просто хочу быть уверена, что мы все — одна команда.

- Я тоже хочу быть в этом уверен. И что мне сделать?

- Решить вопрос. Я не собираюсь встречать, я понятия не имею, как и что у вас происходит, но это важно.

- Вы уже встряли, доктор, — я вздохнул, пытаюсь унять раздражение. — Я понимаю, о чем вы говорите. Только не все вопросы можно легко решить.

- Возможно. Но попытаться стоит определенно.

Я лишь кивнул, не собираясь спорить дальше. Святой Круг, как это сложно — быть человеком.

Мы стартовали быстро. Георг, прекрасно помня о прошлой попытке найти Вильм, был полностью сосредоточен на управлении и навигации. Я был уверен, что он триста раз перепроверил электронику, пока оправдывающую наши надежды, и продумал множество вариантов развития событий. Орвин с непроницаемым лицом сидел на своем месте, не глядя ни на кого. Сержант и доктор Водопьянова оба выглядели встревоженными, причем я был уверен, что тревожились они по разным поводам.

- Ну что же, давайте найдем этот ваш таинственный Вильм, — совсем не торжественно произнес наш пилот, разгоняя вирон в белой пустоте, следуя за тонкой желтой линией на визоре шлема.

Потянулись томительные нервные минуты. Вирон, казалось, завис в белизне атмосферы, напоминая о своем движении лишь изредка легкой вибрацией да короткими неожиданными толчками. Я уже узнал у Георга, что это нормально для летательных аппаратов, и перестал тревожиться по этому поводу. Я старался думать о Вильме. Мой родной биом... неужели я увижу его совсем скоро? Увижу Эрена, Сину. Мою мать. Епископа. Что я им скажу? Что скажут они, увидев всех нас? Возвращение на Старобор научило меня, что наши фантазии далеко не всегда совпадают с реальностью. А разница в наших реальностях на Вильме была куда глубже, чем на Староборе.

Я и до этого задумывался о том, нужно ли вообще мне возвращаться на Вильм. Мое возвращение навсегда изменит жизнь всех на этом крошечном биоме. Да, я сам уверен, что это правильно, и я хочу этого. А вот хотят ли этого они? У меня не было ответа, и сомнения мучили меня. А тут еще и наша ситуация с Крапивой и Орвином. Права доктор Водопьянова, права. Мы должны быть одной командой, и мне нужно приложить все усилия, чтобы так оно и было.

Воспоминания о Крапиве увели мои мысли сразу в другую сторону, и я неожиданно для самого себя улыбнулся, радуясь, что за визором шлема мою улыбку не видно. Я помнил ее... Помнил и наслаждался этими воспоминаниями. Я не понимал, чем обязан такому счастью, но

это было неважно. Важно, что счастье есть, и оно — настоящее, не придуманное. Из мыслей о Крапиве я был выхвачен толчком в плечо:

- Вон там. Это он?

Георг всматривался вперед, и я тоже попытался что-то разглядеть в белизне воздуха вокруг нас. Сперва я ничего не увидел, но вскоре на визоре начали прорисовываться линии — ломаные очертания края, которые нельзя ни с чем перепутать.

- Это он? Твой Вильм? — нетерпеливо переспросил пилот.

- Откуда мне знать? — недоуменно ответил я. — Мы снизу вроде как подлетаем... Надо поподробнее рассмотреть.

- Сейчас сделаем. Должен быть Вильм. Совпадает по данным. Сейчас я подлечу поближе, и поднимусь над поверхностью. Тогда может...

Пилот прервался, внимательно во что-то вслушиваясь. Мне тоже показалось, что звук двигателей как будто изменился.

- Что случилось? — теперь настала моя очередь спрашивать.

- Не понимаю. Вроде как тяга увеличивается, а скорость падает.

- Это вообще как возможно?

- По идее — никак. Не может быть такого. Это как если бы нас чем-то держали — тро-сами, например, а мы бы старались выбраться. Сейчас...

Георг повел ладонями над панелью, и вирон качнулся в сторону. Вильм пропал с моего визора, наша амка переместилась вбок.

- Так, вроде теперь нормально все. Какая-то ерунда с двигателями, — бормотал пилот, говоря скорее сам с собой, чем с нами. — Вроде же все проверял... Но сейчас выглядит хорошо. Подлетим еще раз.

Мы подлетали к Вильму несколько раз. И всякий раз на определенном расстоянии от биома двигатели амки начинали звучать иначе, пытаясь продвинуть вперед неизвестно во что упирающийся вирон. Мы подлетали сбоку, сверху и даже снизу, и везде было одно и то же. Высоты, до которой был способен снизиться вирон, не хватало для визуального наблюдения биома, но форма и некоторые особенности поверхности убедили меня полностью — мы действительно нашли Вильм. Нашли, но не могли на него высадиться!

- Это какое-то силовое поле? — высказалась доктор Водопьянова, когда вирон делал очередной заход в сторону поверхности.

- Если и так, то я ничего не знаю о подобных технологиях, — почти прорычал раздраженный Георг, который никак не мог смириться с таким поражением.

- Мы многого не знаем, — многозначительно ответила доктор, и добавила: — Мне кажется, мы зря теряем время.

- Да не может же быть, что эта ерунда окружает весь биом! — Георг с упрямством повел вирон снова в сторону Вильма. — Это бессмысленно!

- Хватит. На этом — хватит, — я решил прервать ненужные усилия пилота и вирона.

Непостижимо — я был "дома". Я видел тот биом, на котором я родился и вырос. Видел — но и только. Попасть на него я не мог. Пока не мог. Загадка, еще одна загадка. Было ли такое поле тогда, когда я прыгал с края? Или оно появилось после? Как все это работает, и кто вообще все это сделал? Что это за технология, если даже научно продвинутые жители Атлантиды о ней ничего не знают? Ладно, ответов на все эти вопросы я очевидно сейчас не получу. Ответы надо искать, и такая возможность у нас есть.

- Георг, после этого захода ставь курс на биом "А1".

Пилот покосился на меня, но ничего не сказал. Если он и был со мной не согласен, то хотя бы не стал спорить прилюдно, и за это я был ему благодарен.

Во время нашего прошлого подъема над атмосферой Георг зафиксировал несколько близлежащих неизвестных крупных биомов. Те, которые казались побольше размером и

"поперспективнее", получили временные коды: А1, А2 и так далее. Еще перед вылетом на Старобор и Вильм мы составили альтернативный план — на случай, если Вильм потерялся совсем. План предусматривал приоритетное посещение биома А1 — самого близкого зафиксированного нами крупного биома. Изучив данные Георга, группа Нишанта, помогавшая нам в подготовке экспедиции, сошлась во мнении, что этот биом сравним по размеру с Атлантисом или даже превосходит его. Таким образом, посещение этого биома получило повышенный приоритет.

После следующей неудачной попытки подлететь поближе к Вильму Георг сдался, и перенастроил курс на биом А1. Перенастроил с видимой неохотой, как мне показалось. Однако, несмотря на свое упрямство, наш пилот тоже понимал, что нет смысла биться головой об стену много раз подряд. Шанс, что стена при этом уступит, значительно меньше шанса проломить себе голову.

Полет к биому А1 проходил в напряженном молчании. Непонятная аномалия на Вильме напрягла всех, и это явно читалось на лицах. По словам Георга, путь до А1 должен был занять пару часов, но лишь сержант умудрился за это время уснуть, устроившись на своем кресле поудобнее. Я сидел на своем месте и маялся от невозможности ничего сделать и ничего увидеть вокруг. Это оказалось той еще пыткой. Мысль о том, что мы сейчас летим к биому, который никто из нас еще не видел, почему-то не притягивала мое внимание. Эта мысль казалась фантазией, чем-то нереальным, оттого и неважным. Потому, когда на моем визоре стали проступать контуры биома, я аж вздрогнул.

К А1 Георг приближался аккуратно и медленно. Я тоже прислушивался к двигателям, но ничего подозрительного не услышал. Биом потихоньку заполнял собой весь визор, добавляя на экран всё больше деталей и приближаясь с каждой секундой. Мы снижались у самого края, полагая такое место самым незаметным для нашего появления.

Когда нам представилась возможность увидеть А1 своими глазами, то первой моей мыслью было: „Он очень похож на Атлантис". Биом действительно оказался каменистым, скальным, сильно напоминая картинку с семнадцатого сектора Атлантиса, где находилась последняя база Навигаторов. Однако цвет камня немного отличался: там он был отчётливо серым, здесь — тёмным, почти чёрным. Но все же это были камни: безжизненные, лишённые растительности, хаотично покрывающие поверхность.

- Тут нам нигде не сесть, пожалуй, — пробормотал Георг, разглядывая пейзаж под нами. — Переломаем все стойки.

- Давай на малой высоте и малой скорости пройдем вдоль края, — предложил я, не отрываясь от вида снаружи. — Наверняка найдем подходящее для посадки место.

Вирон медленно полетел вдоль края, но подходящее для посадки место так и не находилось. Через какое-то время рельеф под нами стал неуловимо меняться: вдруг стали попадаться невысокие деревья, стоящие порой поодиночке, порой маленькими группами. На камнях местами виднелся синеватый налет, похожий на ту жалкую траву, которой был местами покрыт Атлантис. Атмосфера не позволяла нам видеть далеко в сторону центра биома, но на визоре порой возникали очертания довольно крупных холмов. Через несколько минут один из таких холмов показался впереди нас, и Георгу пришлось чуть приподнять вирон вверх, сохраняя высоту над поверхностью.

- А тут дрались. И дрались серьезно, — вдруг проговорил сержант.

Мы всмотрелись вниз, на поверхность влево по курсу, и я вдруг понял, о чем говорит военный: черные пятна, которые я сперва принял за проплешины в травяном покрове, оказались следами взрывов. Черная полоса на границе видимости теперь тоже казалась неестественной: как будто там что-то горело, скользя по поверхности биома.

Наконец, наш вирон перевалил через холм, Георг опустил нос амки, спускаясь вперед вдоль склона, и мы все дружно ахнули.

Большое пространство у подножья холма было выровнено, и даже огорожено от края массивными колоннами с остатками чего-то похожего на забор. Мы увидели несколько низких длинных строений правильной прямоугольной формы, стоящих в ряд. Очищенная площадка тянулась дальше, уходя за границу видимости, и была вполне сравнима размерами с территорией отдела безопасности на Атлантисе. С одной важной отличительной особенностью: вся местность была нещадно разбита неведомыми ударами, словно некий великан поработал над ней солидной дубиной. Огненной дубиной, если быть точным: следы огня и взрывов черными пятнами давали о себе знать. Крыши почти всех строений были проломлены, в нескольких обрушились стены. Целый ряд колонн забора на краю был вырван со своих мест и, судя по обломкам, выброшен за край. Линии разметки, местами видневшиеся на поверхности, постоянно прерывались воронками разного размера. Мы застыли у окон вирона, медленно проплывающего над этим страшным местом.

- Нам бы посмотреть, что тут произошло, — подал голос сержант.

- А если это случилось совсем недавно? — потрясенно спросил Орвин.

- Это вряд ли, — ответил Георг. — Следы выглядят очень старыми. Смотрите, на некоторых постройках давно эта странная трава растет. Причем растет на месте разломов.

- Да, вон в том здании и вовсе деревья внутри проросли, — проговорила доктор Водопьянова, и ее голос звучал отнюдь не спокойно.

- Георг, ты сможешь посадить вирон здесь? — спросил я пилота.

- Думаю, что мы сможем найти место. Тут все было аккуратно почищено когда-то. Садимся?

Я оглянулся в салон, получил утвердительные кивки от всех — даже от Орвина, и подтвердил:

- Да, давай садимся здесь. Смотри, где это безопаснее всего. И — на всякий случай — садимся так, чтобы к нам нельзя было незаметно подкрасться.

- Ты все время забываешь, что я — Навигатор, — усмехнулся пилот. — Такие вещи у нас в крови.

Мы сели у самого края. Так близко, что я даже неосознанно забеспокоился: казалось, что сильный порыв ветра способен скинуть наш вирон за край. Глупости, конечно: никакому ветру не под силу сдвинуть с поверхности эту машину. Зато в зоне видимости от места нашей посадки не было ни одного строения.

- Сзади к нам точно никто не подберется, — кивнул Георг. — Если только они не летают. Спереди негде спрятаться. Ну что, пойдём осмотримся?

К неудовольствию Георга, осматриваться пошли мы втроем: Орвин, сержант и я. Пилоту было просто необходимо оставаться наготове, в случае непредвиденных обстоятельств. Ну а доктор Водопьянова в разведке местности нам помочь ничем не могла.

Ветер у края был сильным. Я покосился на стоящий так близко к краю вирон, но решил выбросить хотя бы это опасение из головы: Георг на месте, и если что — решит проблему. Я перехватил поудобнее ускоритель АМУ-105 "Удар", который был тяжелее и мощнее привычного мне АМУ-101, и удостоверился, что целеуказание работает: красная точка следует за дулом ускорителя. Наклонившись против ветра, я пошел вперед, внимательно глядя по сторонам.

В десятке шагов справа от меня, не опуская ни на миг ствол ускорителя, шел сержант, тоже постоянно вертя головой в поисках опасностей. Слева, слегка поотстав, тяжело двигался против непривычного для него ветра Орвин.

Мысли в голове летят куда быстрее, чем мы приближаемся к все еще невидимым невооруженным глазом строениям. Я осматривался, осознавая, что вживую биом выглядит не совсем так, как выглядел из вирона. Камни под ногами, пятна травы, затягивающие и скалы, и следы боев — все вроде бы такое же, как на Атлантисе, — но нет, ты понимаешь, что ты в

другом месте. Ветер, пожалуй, такой же силы. Воздух... как будто суше и даже вроде с каким-то горьким привкусом. Я обошел очередную зарастающую травой воронку, и очерченное на моем визоре здание смутно проявилось перед нами. Сержант поднял вверх кулак левой руки, остановив нас. Скользящим шагом он подошел к зданию, заглянул сперва за угол, потом в зияющий прямо перед нами разлом в стене, и скрылся внутри. Через минуту он опять появился в проломе, махнув нам рукой.

Изнутри здание оказалось повыше, чем нам казалось при облете. Пробитый потолок нависал метрах в десяти над ровным бетонным полом, уже поросшим местами травой и усыпанным обломками. Было похоже, что здание использовалось как ангар, или как большой гараж-мастерская для техники. В пользу второй версии говорили несколько высоких ворот, сохранившихся на длинной стене, да простые стеллажи вдоль стен, и разбросанные то тут то там запчасти. Посередине здания виднелись искореженные останки того, что могло раньше быть ремонтным подъемником.

- Все же это наши люди, получается...

Голос сержанта гулко донесся из дальнего угла здания. Мы с Орвином поспешили к нему. Сержант стоял около небольшого разбитого аппарата, показавшегося мне знакомым.

- Это "мини-танк". Робот, которого мы применяем для геологических разработок.

Я сразу вспомнил, где уже видел подобную машину — правда, тоже далеко не в лучшем состоянии. Когда мы искали Георга, недалеко от базы Навигаторов на Атлантиде, то наткнулись на следы боя, в котором такой же робот был разбит взрывом.

- Прямо такой же, как на Атлантиде? — недоверчиво переспросил Орвин.

- В этом состоянии сложно оценить, точно такой же он или нет, — проговорил сержант. — Но очень похож. Я мало с такими имел дело.

- Это могут быть остатки одной из пропавших экспедиций, — сказал я.

- Да, вполне возможно. Только вот я не помню, чтобы наши экспедиции строили такие громадные сооружения. Они обычно достаточно компактно обустраивались, экономно.

- Ладно, сейчас мы все равно не узнаем ничего наверняка. Давайте осмотримся здесь и вернемся к вирону. Там наши наверняка нервничают.

Мы осмотрели два ближайших здания. Оба были разрушены, причем одно — почти полностью. Оба здания были меньше размером, и одно из них мы идентифицировали как жилое помещение, а другое — почти полностью разрушенное — предположительно как лабораторию или медицинский центр. Жилое здание было построено явно не для скромной по составу экспедиции. По моим подсчетам, тут могли с легкостью разместиться несколько десятков человек.

- Сержант, а известно хоть приблизительно, сколько человек могли покинуть Атлантиду при Расколе?

- Нет, такие сведения нигде не сохранились. Да и вообще, многие уверены, что Атлантида не покинул никто, а корабль взорвали непонятные силы. Но я тоже подумал о том же.

- Если это следы людей, ушедших при Расколе, то корабль должен быть тоже неподалеку.

- Может, он и есть неподалеку, — пожал плечами сержант. — А может, улетел дальше, оставив тут подобие колонии.

- *Если* это вообще был тот самый корабль, — резонно вставил свое слово Орвин.

- Ладно, давайте осмотримся еще немного вокруг, и вернемся к нашим.

Ничего необычного мы не нашли. Зарастающие травой воронки да совсем разрушенные остатки более мелких строений, которые мы не сумели даже идентифицировать. Ветер на этом биоме делал свое дело, планомерно разрушая то, что было построено неизвестными колонистами.

После недолгой дискуссии Георг переместил наш вирон ближе к самому большому зданию, частично спрятав амку от ветра за уцелевшей стеной. После того, как доктор и пилот осмотрели окрестности в сопровождении вечно бдительного сержанта, они лишь подтвердили

наши догадки: да, эти строения созданы, несомненно, людьми, и, скорее всего, выходцами с Атлантиды. Георг категорически отверг версию о пропавшей научной экспедиции, заявив, что у экспедиций тех времен не было ни ресурсов, ни необходимости возводить такие громоздкие постройки.

- Может быть, сюда прилетел еще один корабль? — спросил я. — Не тот же, на котором прилетели наши предки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.